

ЛДПР

Sanctions
**ПЛЕ
ВОК**

RUSSIA
**на
запад**

Первое издание – 1995 год

Сегодня российская элита, подобно майданутым бандеровцам, твердит, словно заклинание: «Россия цэ Европа!»

Но, так же как и на Украине, растущий день ото дня эмоциональный накал таких заклинаний говорит лишь об одном: у противостоящего элите остального народа имеется очень уж сильное сомнение по поводу такого заявления.

И в самом деле, неужели протянувшаяся на всю Евразию Россия не имеет собственной самобытной культуры? Неужели мы и наши потомки навсегда обречены донашивать выброшенную на помойку старую идеологическую одежду Запада и восхищаться им – за каждое разрушенное государство вроде Югославии, Ливии или Ирака и Сирии, за каждого убитого серба или араба?

Пора встать с колен и перестать молиться на Запад! Он уже не генератор новых идей и мыслей, а затхлое болото, в котором тонет любая здоровая инициатива.

Вперед, Россия! Наше дело правое, победа будет за нами!

Владимир Жириновский

ЛДПР

**ПЛЕВОК
НА ЗАПАД**

Москва
2016

Плевков на Запад. – М.: Издание ЛДПР, 2016. – 80 с.

Эта книга была написана в начале 1995 года. Впереди у ЛДПР были две избирательные кампании – депутатов Госдумы (1995) и президента (1996).

Одни партии призывали избирателей поддержать прозападное правительство «демократов и реформаторов». Другие партии ругали «проклятый Запад» и звали народ на баррикады сражаться с буржуями.

И только ЛДПР, разрабатывая программу возвращения России былой мощи и величия, всерьез подошла к проблеме идеологического противостояния двух типов европейских цивилизаций – российской и западной.

Одним из материалов, подготовленных ЛДПР, стала книга «Плевков на Запад». В ней доступным языком излагались причины, по которым России важно сохранять независимость от Запада, обреченного на вырождение и заселение мигрантами с Востока.

Последние события – исход народов из Африки и Ближнего Востока, заселение ими пространств Евросоюза и рост исламского радикализма в этнических анклавах европейских городов – полностью доказывают правоту ЛДПР.

Подписано в печать 17.02.2016. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 5. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 233. Изготовлено по заказу ЛДПР
в ООО «ТРАНСМЕДИА Дизайн».
Адрес: 115230, г. Москва, Варшавское шоссе, д. 46.

ISBN 978-5-4272-0033-2

© ЛДПР. Москва, 2016

ПРОЛОГ

ЕВРОПА – ЧАСТЬ ВЕЛИКОЙ РОССИИ

О Запад! Его богатства, идеи, культура, блага цивилизации, упорядоченность жизни, ее легкость и необременительность, набитые под завязку продуктами и шмотьем витрины, памятники архитектуры и благополучие прельщают многих и многих русских людей уже не первый век.

На Запад обращены взоры тех, кто сам себя зовет «правозащитники», «поборники социального прогресса» и прочие «либералы», являющие на самом деле пустобрехами и сворой цепных псов антирусской пропаганды.

Но даже и для людей дела – наших чиновников, деятелей культуры и научной элиты – Запад как-то стал своеобразной инстанцией, на которую следует равняться и куда принято жаловаться тем, кто «негодует из-за попрания прав человека в этой стране».

Миф о том, что на «светлом Западе» чтятся права человека и что оный, светя своим ангельским нимбом, внемлет всем сирым и убогим и бескорыстно помогает им, распространен по всему миру.

И правители большинства государств убеждены: раз Запад процветает, то и в их живущих в бедности странах надо во всем подражать ему. Глядишь, и приведет такое тупое копирование к процветанию.

Однако не приводит. Или приводит лишь там, где берут от Запада технологии и финансово-торговую систему, а его философию выбрасывают на помойку, как это сделали в Японии, Китае и прочих сингапурах.

Вот и России тоже следует взять с Запада только самое полезное – инновации, инвестиции, способы борьбы с коррупцией и управленческие методики.

И вообще, всему миру давно уже пора понять, что Россия не Европа, а наоборот, Европа – это небольшая часть Великой России, протянувшейся от дождливой Балтики до штормовых волн Тихого океана и занявшая собой почти весь Евразийский континент.

ГЛАВА 1

ОТСТАЛАЯ ЕВРОПА

Историки Российской империи, Советского Союза и нынешней России тщательно скрывали и скрывают до сих пор тот факт, что до монгольского нашествия на Русь она была недоступным идеалом для жителей остальной Европы.

Возьмем, к примеру, свидетельство русской королевы Франции Анны Ярославны.

Русская княжна волей судьбы стала королевой Франции. Она осуществила революцию в чужой для себя стране. Именно она научила французский двор читать и писать еще в XI веке.

Это она познакомила французов с баней и заставила во время приема пищи пользоваться столовыми приборами.

Анна вела переписку с папой римским и другими серьезными фигурами того времени. Подданные чужой для нее Франции боготворили Анну и называли ее Рыжей Агнессой.

Анна Ярославна родилась около 1024 года. В это время вся Русь была грамотной. Вспомним хотя бы берестяные грамоты тех лет.

Анна – младшая из трех дочерей киевского князя Ярослава Мудрого – выросла при княжьем дворе в Киеве и получила хорошее образование.

Она вышла замуж за овдовевшего Генриха I, французского короля, став таким образом королевой Франции. В 1052 году Анна родила королю наследника Филиппа, а потом еще троих детей.

Кстати, инициатива заключения этого брачного союза исходила от французской стороны. В 1048 году с этой целью в далекий Киев французский король Генрих I Капетинг направил пышное посольство.

Послам было поручено получить согласие на брак одной из дочерей киевского властителя с монархом, ибо даже до Франции «дошла слава о прелестях принцессы, именно Анны, дочери Георгия (Ярослава)».

Король велел передать, что он «очарован рассказом о ее совершенствах». Послам со своей задачей справиться удалось, и Анна со свитой отправилась во Францию.

Неподалеку от знаменитого собора в Реймсе сохранилось панно, на котором начертаны имена всех французских монархов и их жен, которые короновались в этом городе. Среди них есть имя королевы Анны, которую 19 мая 1051 года архиепископ Реймский Ги де Шатильон короновал вместе с ее супругом Генрихом I.

Представляем вашему вниманию очень интересное письмо Анны Ярославны на родину:

«Здравствуй, разлюбезный мой тятенька! Пишет тебе, князю всея Руси, верная дочь твоя Анечка, Анна Ярославна Рюрикович, а ныне французская королева. И куды ж ты меня,

грешную, заслал? В дырищу вонючую, во Францию, в Париж-городок, будь он неладен!

Ты говорил: французы – умный народ, а они даже печки не знают. Как начнется зима, так давай камин топить. От него копоть на весь дворец, дым на весь зал, а тепла нет ни капельки. Только русскими бобрами да соболями здесь и спасаюсь. Вызвала однажды ихних каменщиков, стала объяснять, что такое печка. Чертила, чертила им чертежи – неймут науку, и все тут. «Мадам, – говорят, – это невозможно».

Я отвечаю: «Не поленитесь, поезжайте на Русь, у нас в каждой деревянной избе печка есть, не то что в каменных палатах». А они мне: «Мадам, мы не верим. Чтобы в доме была каморка с огнем и пожара не было? О нон-нон!» Я им поклялась. Они говорят: «Вы, рюссы, – варвары, скифы, азиаты, это у вас колдовство такое. Смотрите, мадам, никому, кроме нас, не говорите, а то нас с вами на костре сожгут!»

А едят они, тятенька, знаешь что? Ты не поверишь – лягушек! У нас даже простой народ такое в рот взять постыдится, а у них герцоги с герцогинями едят, да при этом нахваливают. А еще едят котлеты. Возьмут кусок мяса, отлупят его молотком, зажарят и съедят.

У них ложки византийские еще в новость, а вилок венецеских они и не видывали. Я своему супругу королю Генриху однажды взяла да приготовила курник. Он прямо руки облизал. «Анкор! – кричит. – Еще!» Я ему приготовила еще. Он снова как закричит: «Анкор!» Я ему: «Желудок заболит!» Он: «Кеске-сэ? – Что это такое?» Я ему растолковала по Клавдию Галену. Он говорит: «Ты чернокнижница! Смотри, никому не скажи, а то папа римский нас на костре сжечь велит».

В другой раз я Генриху говорю: «Давай научу твоих шутов «Александрию» ставить». Он: «А что это такое?» Я говорю: «История войн Александра Македонского». «А кто он такой?» Ну я ему объяснила по Антисфену Младшему. Он мне:

«О нон-нон! Это невероятно! Один человек столько стран завоевать не может!» Тогда я ему книжку показала. Он поморщился брезгливо и говорит: «Я не священник, чтобы столько читать! У нас в Европе ни один король читать не умеет. Смотри, никому не покажи, а то мои герцоги с графами быстро тебя кинжалами заколют!» Вот такая жизнь тут, тятенька.

А еще приезжали к нам сарацины. Никто, кроме меня, сарацинской молвою не говорит, пришлось королеве переводчицей стать, ажно герцоги с графами зубами скрипели. Да этого-то я не боюсь, мои варяги всегда со мной. Иное страшно. Эти сарацины изобрели алькугль (спирт. – *Примеч. ред.*), он покрепче даже нашей браги и медовухи, не то что польской водки. Вот за этим тебе, тятенька, и пишу, чтобы этого алькугля на Русь даже и одного бочонка не пришло. Ни Боженьки! А то погибеть будет русскому человеку.

За сим кланяюсь тебе прощавательно, будучи верная дочь твоя Анна Ярославна Рюрикович, а по мужу Anna Regina Francorum».

Вот такие письма писала домой на Русь русская королева Франции, принеся французам настоящую цивилизацию.

Впрочем, и французы, и немцы с испанцами, итальянцами и англичанами приобщались к созданной русскими цивилизации весьма неохотно.

Люди средневековой Европы годами не только сами не мылись, но и подозревали любого любителя водных процедур в связях с нечистой силой.

Европа – это тысячелетие отсталости и мракобесия. Все отходы вываливались на улицы, ходить по которым из-за этого было весьма рискованно и днем, и ночью.

На Руси за такие фокусы нещадно пороли и даже могли «лишить живота». Впрочем, на Руси пришедшая из Византии мода на туалетные домики, стоящие отдельно от жилого помещения, дошла даже до самых бедных селений.

Именно тогда, когда в средневековых университетах среди называющей себя «гуманистической» профессуры появилась идея особого общеевропейского типа мышления и поведения, на Западе началась настоящая эпидемия истерических психозов, своего рода «психическая революция».

В эту эпоху Западную Европу охватила волна массовых галлюцинаций, вполне серьезного ожидания близкого конца света, маниакальной травли ведьм и колдунов с их эффективным сжиганием на кострах (пострадали даже животные, только за одно XV столетие было растерзано около 120 000 черных кошек и собак).

Одним из наиболее любопытных проявлений этого безумия, охватившего Англию, Францию, Испанию, Германию, Италию и остальные западноевропейские страны, по праву может считаться так называемая пляска святого Витта.

Она заключалась в следующем. Представьте себе обычный средневековый европейский город: Манчестер, Бремен, Неаполь, Сарагосу или Авиньон. Бюргеры – прихожане выходят из церкви, поприбывав на воскресной службе. Внезапно один из стоящих на паперти нищих падает и начинает биться в страшных судорогах, похожих на эпилептический припадок.

Казалось бы, заурядный эпизод. Местным жителям поднять бы бродягу на ноги, дать пару оплеух, чтоб пришел в себя, или окатить холодной водичкой. Но не тут-то было.

У собравшихся перед церковью горожан тоже начинаются судороги, будто от беснующегося нищего к ним по невидимым проводам перешли какие-то электрические заряды, и все – старики и дети, мужчины и женщины – начинают трястись и колотиться руками и ногами о землю.

Тряска распространяется от церкви все дальше и дальше, захватывает обитателей постоялых домов, прохожих на улицах, торговцев на площадях...

Чтобы заразиться этой болезнью, названной в честь монаха-эпилептика, достаточно было просто бросить взгляд на бьющегося в этой «пляске» человека. Словно какой-то телепатический сигнал будил в человеке то состояние, которое суеверные европейцы называют одержимостью.

И что интересно, «пляска святого Витта» овладевала массой горожан на весьма непродолжительное время (от силы дватри часа). Выспавшись после этого, бесновавшийся человек оказывался снова в здравом уме и при нормально функционирующем мышечном аппарате.

Средневековое понятие «одержимость» в наше время переводится как психическое расстройство.

Хотя трудно удержаться от мистического взгляда на это явление. Откуда в сознании людей того времени возникали мрачные фантастические картины: кошмарные мутанты с множеством рук, рыбьей или волчьей головой, невиданные чудовища с крыльями нетопырей и волчьими клыками, гигантскими осьминогами, душащие в своих щупальцах вопящих от ужаса людей...

Например, откуда это у Данте:

Из двух голов, двух туловищ –
Двойное чудище мерзко ваялось единым,
В первом лице уж виднелось второе –
Срослась рук пара с лапами змеи.
А бедра, ноги, и живот, и грудь –
Тем стали, что не и зрелось никогда.
Весь прежний облик померк в поганой мути.
Чудовище задвигалось тихонько,
Сложившись в образ небывалой жути.
Как ящерица в день солнечный и жаркий
Летит, подобно молнии, между плетнями
По каменистой тропке лихо,
Так бросилась на сросшихся змея...

Поэтому когда нам, русским, начинают врать про какую-то «великую европейскую цивилизацию университетов, городов и храмов», то у историков это вызывает снисходительную улыбку, поскольку специалисты знают, что, пока не начались колониальные захваты и в Европу не хлынуло заморское золото, там царили безумие, антисанитария и нищета.

ГЛАВА 2

РОССИЯ СПАСАЛА, ЕВРОПА ПРОДАВАЛА

В направленной на не искушенного в политике человека пропаганде «светлого образа» Запада, где он подается эдакой райской идиллией, местом всеобщего счастья, равенства и поголовной справедливости, время от времени появляются серьезные проколы.

То вдруг те или иные властители дум Запада начинают его ругательски ругать (как, например, Генри Дэвид Торо свою Америку). То серьезные мыслители с беспощадной ясностью обнажают его язвы (как это делал Джон Стюарт Милль в XIX веке в Англии).

Или внезапно обнаружится, что многие и многие задумки, которые, казалось бы, наилучшим образом испытаны на Западе, не очень-то приживаются в других странах.

Иногда какой-нибудь бывший сотрудник ЦРУ и Агентства национальной безопасности США вроде Эдварда Сноудена раскроет всему миру правду о слежке американских спец-

служб за гражданами всего мира, в том числе за руководством стран Евросоюза.

Бывает и так: никому не известный австралийский журналист вроде Джулиана Ассанжа возьмет да и начнет публиковать в «Викиликсе» компромат на всю западную верхушку, которая оказывается всего лишь сворой холуев при дворе правителей США.

Но объективности ради следует заметить, что чаще мы видим другое зрелище. Да, Запад действительно процветает. Особенно это заметно на фоне разоренных им стран вроде Ливии, Ирака и Сирии.

Однако... тут-то и встает вопрос совсем особого склада. Ведь богатство накладывает обязанности. Всегда ли богатые люди Запада, имеющие такое огромное влияние на окружающий их бедный мир, действуют если уж не грамотно, то хотя бы с должной осторожностью?

История XX–XXI веков знает множество примеров, утверждающих противоположное.

Например, была в начале века такая не слишком демократическая страна – самодержавная Россия. И законы в ней были не слишком совершенны. Да и с правами человека было... ну, скажем, не совсем хорошо.

Правда, были какие-то там кадеты, которые планировали по миллиметру в год все улучшать. Но это ж все медленно, сколько можно дожидаться! И англичане профинансировали Февральскую революцию (будучи союзниками царю!).

Всякие там дипломаты говорили, что Россия-де колосс на глиняных ногах, что с ней надо обходиться осторожнее. Но миллионеры издавна смотрели на дипломатов как на шайку юристов, выискивающих проблемы там, где их нет. Вперед!

А вот крупный американский банкир Яша Шифф, радея за свой народ, который в России притеснялся всякими там чертами оседлости да процентными нормами, решил, что Фев-

ральской революции для России мало, и нашел среди русских отъявленных радикалов, готовых за доллары, фунты и марки убивать своих соотечественников.

Решительные ребята, нечего сказать. Конечно, есть у них всякие загибы насчет частной собственности... но это от избытка рвения. А главное, они стоят за равноправие наций – сразу, быстро, без всякого там осторожничания. Нет, эти социал-демократы, то бишь большевики, – то, что нужно. Надо их профинансировать.

И профинансировал. (Интересно, было ему в дальнейшем это в радость? Было ли в радость этим банкирам пришествие Гитлера к власти и холокост?)

И вроде бы для всех этих шиффов в России случилось то, что ей прописал их доктор. Полная победа над старым режимом. И вместе с тем можно ли эту победу назвать хотя бы пирровой? Нет. Это была полная катастрофа, которая породила такое чудище, как Третий рейх.

Собственно, имеющий деньги или информацию западный человек становится опаснейшим детонатором на Востоке. Его действия ведут к самым неожиданным (для него) последствиям.

Многие западные авантюристы рассматривали Восток, с его легковерием, фанатизмом, движениями, так же непредсказуемо угасающими, как и вспыхивающими, как идеальный полигон для своих действий.

Кроме того, западная дипломатия лишена чувства самосохранения. Она для своих разборок не стеснялась разбудить чудовищные силы, образно говоря, чтобы перехватить до зарплаты десятку, вызывала аж сатану из преисподней.

В интересах выигрыша в давнем противостоянии Франции и Австрии правительство Франции издавна заигрывало с Турцией, поддерживая ее, посылая на помощь Турции специалистов, превративших эту могучую, но не отличающуюся развитостью азиатскую державу в державу с первоклассной армией.

Остальная Европа, за малым исключением, с легкомысленным равнодушием следила за этими мероприятиями: что же, интрига так интрига. (Точно так же вооружали Гитлера против Сталина – по обыкновению, страшнее кошки зверя нет!)

Гром грянул вскоре – и в третьей четверти XVII века Турция начала усиленно пробивать (очевидно, из чувства благодарности) окно в Европу.

Тогда в первый раз прорезалась основная линия европейской тактики – когда создается тревожное положение (часто вследствие самой же европейской политики, подпиливающей сук, на котором сидит), втягивать в свои дела Россию.

Вскоре путем чрезвычайных усилий удалось отбить турок от Вены (!), но большая часть балканских стран оказалась под турецкой пятой.

Турки готовы были возобновить свой натиск. Но Западу удалось отклонить их натиск, перенаправив удар в Россию, где русские войска и запорожские казаки в 1672–1681 годах разбили османов.

И хотя ценой огромных потерь турецким войскам удалось получить некоторый тактический перевес и немного потеснить Россию, но сделано это было такой кровавой ценой, что она обусловила отказ Турции от дальнейших завоеваний в Европе.

Итак, европейское государство Франция своей бездумной политикой создало огромную угрозу Европе, которую предотвращать пришлось России.

Но ведь и частные лица тоже не отставали в авантюрах. Множество европейцев-авантюристов находило себе пристанище на Востоке (по большей части в той же Турции), где находило благодатную почву для своих дарований. Результаты часто были чудовищны.

Сейчас в связи с событиями на Кавказе часто всплывает история с Шамилем. Но Шамиль имел предшественника более грамотного и более коварного – некоего имама Мансура, объ-

единившего многие кавказские народы и создавшего серьезную угрозу для России, обеспечивающей в конце XVIII века безопасность всей Восточной Европе со стороны Востока.

Для борьбы с имамом России потребовалось немало сил и полководческий гений Суворова.

В конце концов имам был пойман и заточен, но своими действиями он поднял новую волну опасного движения на Кавказе (так называемого мюридизма), на гребне которой, собственно, и получил впоследствии такую огромную власть Шамиль.

Судя по имеющимся данным (правда, часть историков, например генерал-лейтенант В.А. Потто, автор книги «Кавказские войны», ставят их под сомнение), имам Мансур был настоящим исламским фундаменталистом. Он имел глобальные замыслы, хвалился, например, что истребит всех, кто пишет не справа налево (т.е. по-арабски), а слева направо.

Так вот, позже выяснилось, что сей имам на самом деле – итальянец Джованни Боэти, международный авантюрист, прекрасно владевший арабским, выучивший наизусть Коран и труды многих мусульманских богословов и жаждущий, судя по его письмам, создать некую общемировую религию на основе ислама.

Это событие типично для Европы. Здесь опасность вооруженного знания и опытом авантюриста усиливается безответственностью Европы, не создавшей механизма для остановки таких взрывоопасных для Востока экземпляров и вместе с тем не просчитавшей возможные последствия. Вот к чему могут привести проповеди всевозможных дешевых европейских проповедников, провалившихся в Европе и отправившихся пожинать лавры на Востоке.

Помимо всего прочего, мы с Западом просто не можем понимать друг друга из-за различных мифов и легенд о России, которые множатся и по сей день.

Так, известный историк Тарле в своей монографии о хитроумнейшем дипломате Талейране отмечает, что со времен Вен-

ского конгресса традицией французской политики стало пугать спасенный русскими войсками от Наполеона Запад «угрозой с Востока», причем Востоком уже именуется не Турция, а только Россия.

Зачем это было нужно тогда Франции и защищающему ее интересы Талейрану, ясно. Он разрушал так называемую коалицию победителей – и это ему удалось.

Уже в начале 1815 года Австрия, Англия и Франция подписали конвенцию о взаимной военной защите от «русской угрозы». Поводом послужило весьма нерасчетливое присоединение Александром I значительной части Польши, чьи граждане ненавидели русских и поднимали бунты по любому поводу, при этом всюду используя копеечное русское сырье для своих заводов, дарованные царем экономические льготы и огромный российский рынок сбыта, где русская промышленность не могла конкурировать с польскими товарами.

Но Польшу Россия получила вполне законно – по решению Венского конгресса. И повода для паники перед угрозой со стороны России не имелось.

Талейран, конечно, был весьма хитер и тонко проводил свою политику, но и встречался он не с такими уж наивными людьми (достаточно посмотреть переписку Меттерниха со своим агентом, приводимую Тарле, чтобы в этом убедиться).

Практически все знали, чего стоит Талейран, один из самых лживых дипломатов того времени; все видели, что Александр I пощадил Париж, фактически спас его от разгрома союзниками; все имели основание полагать, что царь удовлетворится Польшей.

Казалось бы, о чем может быть речь? Конечно, Англия всегда старалась ослабить любое сильное государство, а Россия тогда была очень сильна, и во главе ее стоял весьма уважаемый подданными Александр I.

Но даже для достижения такой благой цели нужно ли было объединяться с Францией, которая помимо всего прочего была и просто ненадежна, ибо ее армия была в целом предана Наполеону, а не реставрированным Бурбонам?

Ведь в том же 1815 году, немногим позднее заключения договора, совершились знаменитые Сто дней – Наполеон вернул себе трон без единого выстрела. И повторения подобного боялись такие опытные политики, как Меттерних.

Почему же они пошли на такой риск? Как они дали себя убедить Талейрану, которого они знали (многие лично) как отъявленного лжеца, клятвопреступника и продажного человека?

Ответом на это может быть только одно: Александр I успел при всей своей дипломатичности совершить нечто, напугавшее всех европейских коронованных особ и министров иностранных дел.

«Русские разговаривают так, словно они хозяева всего света» – таково было мнение западноевропейцев. На основе чего было сделано такое умозаключение?

Потому, что Александр I забрал Польшу? Но такие аннексии делались и до того! Что он разговаривал весьма властно? А как же должен разговаривать властитель, имеющий сильнейшую в Европе армию, сокрушившую войска непобедимого до тех пор завоевателя?

Властно можно разговаривать по-разному. Необходимо, очевидно, проанализировать, что же было основой властности русского царя. Ведь и тот же Талейран пытался на Венском конгрессе разговаривать тоже не без властности, хотя и был представителем побежденной страны. Значит, в речах русского царя было нечто такое, что испугало европейцев.

Рассмотрим же главные аргументы Александра I и... хотя бы того же Талейрана.

Талейран, как известно, апеллировал на Венском конгрессе к международному праву. Нам могут возразить, что речам этого отъявленного спекулянта не следует доверять.

Но дело не в том, насколько г-н Талейран был искренним. Спекулируют обычно на том, что представляет ценность, – и не имеет значения, верят ли сами спекулянты в эту ценность. Достаточно и того, что для европейцев апелляции Талейрана к международному праву были убедительны.

В противовес ему Александр I опирался на иную ценность – на чисто моральное понятие долга, обязанности, благодарности. Он неоднократно говорил, что Бурбоны в частности и Франция в целом ему кое-чем обязаны.

Насколько он в это верил – трудно сказать, но для русского царя ценностью, причем ценностью, покоящейся внутри, тем, что представляется самим собой, в противовес европейской шкале ценностей, было именно понятие обязанности, благодарности.

А вот о международном праве и прочем император позволял себе очень пренебрежительно отзываться. Тарле считает, что царь, говоря европейцам с презрением о «вашем международном праве», «ваших древних пергаментях» и прочем, имел в виду именно Талейрана, его уязвление.

Но несколько ранее царь сказал: «То, что нужно Европе, и есть право». Здесь уже иронии нет. Здесь, наоборот, твердое и в чем-то циничное убеждение. Итак, для русского царя Александра I превыше всего – чувство благодарности, признательности, для Талейрана (и прочих европейцев) – право.

И это естественно: там, где есть право, существуют только договорные обязательства. Если право превыше всего, то, строго говоря, никто никому ничего сверх контракта не обязан.

А именно этого «сверх контракта» и добивался Александр I, добивался жестко, ставя при всяком случае это на вид.

Как должны были расценить его обращения европейцы? Только как то, что он пытается наложить на них какую-то иную цепь. Армия – сильна, сам государь – несомненный дипломатический талант, да еще от всех чего-то не оговоренного в контрактах требует.

«Караул!» – завопили европейцы, мол, родился новый «колосс на Неве» (по выражению Меттерниха), который «напоминает Наполеона» (это уже Талейран). И это было понято Западом как опасность.

Вся дипломатическая свехосторожность Александра I оказалась бессильной, ибо все эти реакции происходят не на верхнем уровне сознания; осевые ценности той или иной культуры лежат глубже.

Чего же хотел Александр I от европейских государей и дипломатов? Чувства обязанности, преданности, благодарности?

Ха-ха! О какой обязанности может идти речь в Европе – в мире, который такой важный элемент человеческих отношений, как долг, превратил во что-то анонимное, продающееся и покупающееся – проще говоря, изобретший вексель?

На Руси долг был делом чести. На Западе уже давно он был делом торговли, товаром, анонимным, как всякий товар, переходящим из рук в руки.

Некоторые экономисты даже считают появление векселя, который может быть куплен, продан, одним из признаков рождения Запада как новой цивилизации, новых отношений человека к человеку, нового общества.

Для русских же это нечто невозможное. Да, у нас были и векселя, и все другое, но долг у нас остался долгом.

А теперь вопрос: что же делать с этой невольной путаницей понятий, которая неизбежна с обеих сторон при взаимной оценке? Она неизбежна, ибо, как мы в общем-то и видели, все проявляется едва ли не на уровне подсознания.

Ну а, собственно, что с ней сделаешь? Надо учитывать ее, понимать, что таковое может возникнуть в каждый момент, но самое главное – поменьше входить в жизнь Запада.

Александр I вошел солидно, добился серьезных дипломатических успехов – а что получил взамен? Осознание евро-

пейцами того, что Россия – агрессор, что она будто бы только и стремится к захвату всего Запада, если не всего мира.

Так не лучше ли нам воздерживаться от излишне активного участия в западных делах и обратить внимание на юг и восток, где нас ждут новые рынки сбыта и новые союзники? Не пора ли строить евразийскую цивилизацию взамен умирающей западной?

Ну неспособны западноевропейцы правильно судить о нас, при всей своей аналитичности, ибо невольно судят только по себе. И шут с ними!

Стремительными темпами развивается экономика стран БРИКС. Нам есть с кем строить будущее.

Наплевать нам на Запад, и все! Пусть себе помирает, захлебываемый волнами беженцев! Против них бесполезны все самолеты и ракеты НАТО.

ГЛАВА 3

ДВОЙНАЯ МОРАЛЬ ВСЕМИРНОЙ СВАЛКИ

Опыт западной экономики, о котором столько трубят на всех перекрестках, в общем-то, увы, не универсален. С того момента, как Запад вышел из средневековья, в западной экономике появилось нечто, что можно было бы обобщить техническим словом «подпитка». Экономика Запада с давних пор живет именно на ней.

Много было сломано копий в свое время на предмет «эксплуатации рабочих». Но при разговорах на эту тему у нас не-

вольно проявляются марксовы стереотипы восприятия сего предмета – даже тогда, когда мы критикуем бородатого политэконома в хвост и гриву.

Это в общем-то понятно, ибо многие марксистские положения – не только и не столько лично его, сколько всей экономической мысли Запада.

Но дело в том, что, устанавливая норму прибыли и рассчитывая разные прочие коэффициенты, мы решаем только одну, хотя и важную задачу – решение тяжбы, кому же из компаньонов (Труда и Капитала) сколько гешефта причитается.

Собственно говоря, само понятие об эксплуатации в такой чисто распределительной его трактовке только к этому и сводится. Но надо бы рассмотреть вопрос и с другой стороны: не распределительной, но относящейся к вопросу о восстановлении сил рабочих.

Строго говоря, ведь при прежнем уровне техники то, что называется эксплуатацией, было во многом неизбежно. Начни капиталист делиться с рабочими большим процентом от прибыли – ему самому бы мало что осталось, а рабочие все же были бы не удовлетворены.

Развитие техники на раннем этапе еще не достигло такого уровня, чтобы была возможность обеспечить всем нормальное существование. Без эксплуатации, то есть без оплаты рабочих по нижайшему жизненному уровню их работы, делаемой на пределе их сил, невозможно было бы и развитие. И здесь-то мы должны сосредоточить свое внимание.

Обращает на себя внимание именно сам факт эксплуатации не только как неравенства в распределении прибыли, но именно как истощения, то есть длиннейшего (в условиях раннего периода производства) рабочего дня с малой оплатой.

Таким образом, в то время на Западе в угоду не столько владельцам предпринимателей, сколько условиям техники была проведена установка на истощение. И дело не в том, какой про-

цент прибыли кому достался. Дохода могло и совсем не быть, если предприятие, допустим, выпустило неходовой товар.

Сосредоточение именно на гешефте было, впрочем, по-своему естественно, ибо здесь совпали и истощение, и дележ прибыли. Поэтому вполне понятным было желание потребовать справедливого дувана (татарское слово *duvan* – дележ добычи. – *Примеч. ред.*).

Но дело-то не в этом, а в том, что при более щадящих условиях рентабельность была бы слишком низкой. Технические условия того времени потребовали – и люди стали безжалостно перемалываться машинами.

Еще совсем недавно, во времена Средневековья, такая установка была немыслима. Господа безжалостно обходились со слугами. Однако истощения в массовом масштабе, истощения как метода действия, как правило, не было и быть не могло.

Это и понятно, ведь подвластные господам люди были их люди, их имущество – и господа просто рачительно пеклись о собственном. Дворянин был, по сути, такой же обреченной фигурой, как капиталист, оценивающий основную стоимость своих заводов.

Поэтому пресловутая свобода была прежде всего номинальным освобождением имеющих власть и деньги людей от заботы о своих неимущих подчиненных. Те стали свободными, значит, можно не заботиться о них и сделать установку на их истощение.

Показательно, что перед освобождением крестьян в России в дворянских кругах, стоявших за освобождение, нередко выдвигались идеи об «освобождении себя от крепостных».

То есть помещик уже сам хотел избавиться от той гольтыбы, о которой должен был заботиться. Об этом ясно говорят статьи авторов «Земледельческого сборника» 1840–1850-х годов.

Уже одно это показывает, что мы наталкиваемся, по сути, на одно и то же: крушение ответственности и, как следствие,

неистовую эксплуатацию. Недаром именно после освобождения крестьян массовый голод в России стал обыденным явлением.

Разумеется, теперь об истощении людей в тех же западных странах не может быть и речи. Но истощение все же есть. Оно проявляется в иной форме, потому что полностью от него освободиться западная цивилизация не может. Меняются объекты истощения, меняются формы его использования, но суть его остается прежней.

Если говорить об истощении только людей, то и здесь наряду с «классической» капиталистической эксплуатацией появились и другие категории того же самого.

Так, обращает на себя внимание тот факт, что вплоть до середины прошлого века развитые европейские страны так или иначе использовали рабство.

Оно долгое время было основой молодой и незрелой американской промышленности; только оно давало в нужных количествах хлопок, который перерабатывали по большей части не в Америке.

Впрочем, следует напомнить, что в свое время огромный толчок оружейной промышленности Америки дала бездумность и, возможно, коррумпированность российских чиновников.

Они, прельстившись то ли рекламой, то ли взятками, организовали перед Первой мировой войной для молодой тогда и относительно слабой американской оружейной промышленности крупный заказ на вооружение русской армии.

Вскоре выяснилось: малообразованные и технологически слабые американцы «не тянут». Время было тревожное, и пришлось срочно направить лучших инженеров на американские заводы, где, конечно, неплохо воспользовались их опытом.

Но Америка все равно «не тянула». Дело давно бы должно было кончиться неустойкой, но аванс, выданный российской

стороной в золотых рублях, был настолько велик, что окупил бы все расходы из-за неустойки – и американцы ее не боялись.

Потом была революция, которая разом списала все американские долги русским. Таким образом, развитие американского ВПК первоначально субсидировала Россия.

Что интересно, кичащаяся своими свободами Англия вплоть до середины XIX века официально практиковала в качестве меры наказания продажу в рабство. Рабство в Англии и России было отменено примерно в одно и то же время.

Правда, в отличие от России, Англия и еще десяток стран Запада не отказались от рабства в своих колониях.

До сих пор обычным был такой факт: если какая-то страна завоевывает какую-то другую страну, она делает ее территорию своей территорией. Все люди, живущие на завоеванной территории, имеют статус, одинаковый с тем, который имеют люди территории покорившей.

Какие-либо ограничения или носят сугубо временный характер, либо связаны, как правило, с религиозными ограничениями.

Например, если мусульмане завоевывали какую-либо христианскую страну, христианам приходилось горько. Но ведь и изначально в мусульманской стране-победительнице христианам было не слаще (если они вообще там могли существовать).

В колониях же было совсем иное: страна (в Азии, Австралии, Америке или в Африке) захватывалась победоносными европейцами – но от того не делалась частью Европы, частью победившей страны. Она становилась оккупационной зоной, с которой выгребалось все, а ее жители имели совсем иной, неполноправный статус.

В колониях действовали другие законы, более суровые и жесткие. Это могло бы быть уместным для побежденной страны в первые дни наведения порядка, но становилось законом на долгие годы.

Причиной такого странного и нелогичного положения дел была именно установка на истощение.

Архивы колониальной политики достаточно красноречивы. То, как обращались победители с побежденными, выходит за рамки просто мести или разгула разбушевавшейся солдатчины.

Это была прежде всего выкачка всего и вся – ресурсов и земельных, и людских. Последние использовались весьма нерационально, но зато в ураганном темпе. Словом, чистый грабеж, работа на истощение земли и аборигенов.

Примечательны взгляды на это явление К. Маркса и В. Зомбарта.

Первый говорил, что первична капиталистическая эксплуатация, а колониальная – вторична. И скрупулезно подсчитывал, каким процентом гешефта не поделился буржуй со своими работниками.

А второй, наоборот, выводил капиталистическую эксплуатацию из колониальной.

По нашему мнению, вряд ли нужно решать, что первично – курица или яйцо. Оба эти вида вытекают из общей установки на истощение. А она видна не только в обращении с людьми.

Для Средневековья характерно тяготение к регенеративному образу жизни. Тогда использовали восстанавливаемые ресурсы. Например, печи топили дровами, а лес, как известно, в богатом на дожди европейском климате быстро вырастает вновь.

Это вполне соответствовало и общему восприятию времени, принятому на Западе тогда, как серии замкнутых циклов, неизменного чередования времен года, человеческих жизней, бесконечного круговорота, никуда не движущегося. Разумеется, ничего совершенного в природе нет.

И тогда тоже вынуждены были прибегать к невосполнимым тратам. Но такой вид действий расценивался как грех.

В Германии сильно развилось горнорудное дело, сильны были и рудознатцы, и шахтеры. Но все они считали грехом свое дело, ибо они, во-первых, ранили землю своими шахтами, во-вторых, брали у земли ее полезные ископаемые, не давая ничего взамен.

Поэтому они не смели обращаться со своими молитвами к Богу и нередко прибегали к нечистому, ибо думали, что уже больше им обратиться не к кому и что они уже до некоторой степени находятся во владении последнего за свои незаконные дела.

Это было одним из факторов, способствовавших развитию знаменитой немецкой демонологии. Поэтому давайте сплунем через левое плечо на всех этих мифистофелей и забудем о них.

Новое же время – время буржуазных революций и паровых двигателей – было ознаменовано именно установкой на истощение и природных ресурсов. Топить стали не восполняемыми дровами, а невосполнимым каменным углем – самым ценным, по Гончарову, минералом XIX века.

Неслыханными темпами шло развитие поиска и добычи полезных ископаемых. По сути дела, все нынешнее устройство промышленности основано на истреблении невосполнимого природного ресурса.

Знаменитая формула взаимопревращения вещества и энергии в производстве работает по преимуществу на уничтожение вещества. Поэтому средневековые люди бежали бы от нынешних технологий, как от нечистой силы.

Но если в Новое время Россия честно выедала себя, сжигая в топке индустриализации уголь, сталь и рабочую силу, то Запад себя берег и продолжает беречь.

Подкинув миру массу соблазнов, для исполнения которых необходимо дичайшее, расточительнейшее транжирство, он бережет свои ресурсы, используя для самых энергоемких и вредных производств слаборазвитые страны. При этом За-

пад не дает им использовать эти производства в качестве фундамента для промышленного рывка.

Обратной стороной транжирства служит новый символ цивилизации, разработанной Западом, – Мировая свалка. Великая помойка оказывается неуничтожимой, ибо на ее уничтожение уйдет слишком много энергии. Она увозится другим – тем, кого удалось прельстить мечтой о роскоши цивилизации: жителям Африки, Азии, а также до недавнего времени и нам, русским, к которым в 1990-е годы с подачи ельцинской камарильи Запад относился как к неграм какого-нибудь замухрыженно-го Габона.

Правда, с недавних пор Африка, в отличие от нас, несколько одумалась. Многие страны отказываются от захоронения западных отходов на своей территории, проповедуя доктрину «Лучше быть бедными, но чистыми».

Но знаменательно то, что западная цивилизация не может обойтись без истощения, загрязнения отбросами. Сил жить в автономном режиме у нее нет, а тратить деньги на уничтожение всякого мусора, по мнению западных прагматиков, непозволительная роскошь.

Часто, говоря о Западе, употребляют термины «двойная мораль» (последние 10 лет это выражение часто заменяют синонимом «двойные стандарты»).

Примеров такой морали Запада настолько много, что затруднительно их выбирать.

Достаточно вспомнить отношение, например, к действиям СССР в Афганистане (Запад объявил их «интервенцией») и оккупацией США Ирака (западные СМИ обвинили эту страну во всех смертных грехах, а оккупантов назвали «освободители иракского народа от тирании»).

Или вспомним, как истошно вопили западные СМИ о «русских убийцах мирных жителей Сирии», когда наши самолеты бомбили там террористов.

А действия военных США, которые и в самом деле бомбили больницы, рынки и свадьбы, преподносились как «удары антитеррористической коалиции по базам ИГИЛ».

На этом фоне слова представителей Запада (высших лиц США, Англии, Франции, Германии и прочих испаний) про «вполне законные основания» у свергнувших законную власть отморозков с Майдана перестают казаться горячечным бредом.

Дело в том, что двойная мораль такого толка всегда была присуща Западу. Конечно, с особой яркостью она проявилась лишь в Новое время. Но зачатки ее были всегда.

Для того чтобы найти ее корни, достаточно вспомнить истоки европейской культуры. Без сомнения, культура Римской империи повлияла на многое в европейской культуре. Но культура Рима заключала в себя зерно, свойственное всем средиземноморским полисным культурам: «истинно полисное воззрение, что неграждане – это не люди или по крайней мере не такие люди, а потому и не совсем люди».

Это воззрение обеспечивало самую широкую дорогу для рабства. В наиболее законченном виде оно воплотилось в предхристианском варианте иудаизма. Но свойственно оно было всему Средиземноморью.

Причем любопытно: чем более деспотичной была власть в том или ином государстве, тем меньше в его культуре было двойной морали. В таком государстве выстраивалась иерархическая лестница, но, как правило, передвижение по ней было более легким, чем в государствах раннедемократического толка.

В ранней Римской республике практически невозможно было стать римским гражданином человеку со стороны. Во всяком случае, ему нужно было оказать Риму услуги такого масштаба, при которых он в какой-нибудь Персии получил бы неслабый придворный пост.

Конечно, в деспотиях у каждой иерархической ступени были свои права, подчас весьма широкие в отличие от нижних ступе-

ней, но все же это была единая правовая система, а в республиках было фактически две системы – для своих и для чужих.

Надо сказать, что в Риме – и именно в Риме – было и нечто другое. Параллельно этой тенденции существовала и другая, слабая при республике, но развившаяся в эпоху императоров, – тенденция отношения ко всем как к людям.

Могли быть какие-то мелкие разграничения, но уже Тацит в качестве верховного судьи над историей выставляет не только и не столько мнение римского народа (хотя он и любил себя показывать таким старинным римским патрицием, с присущим им культом жестокости), а «совесть рода человеческого».

Знаменитым эдиктом императора Каракаллы римскими гражданами были объявлены все свободные жители империи. Именно поэтому Рим мог развить свое влияние на подвластные ему территории. Но другая тенденция – для своих одна мораль, для чужих иная – все же прокралась и в Европу.

Надо сказать, что схема истории, принадлежащая Сен-Симону, развитие по ступеням: рабство, феодализм, капитализм и грядущий социализм – несколько не соответствует действительности.

Древний мир принято считать в основном рабовладельческим, а между тем рабство в нем не занимало видного места. При детальном исследовании истории Иудеи советскими учеными Никольским и Рановичем выяснилось, что она не укладывается в эту умозрительную схему, которую Маркс использовал только для агитации и пропаганды.

Впрочем, даже история Древнего Египта, который во всех учебниках представлен классикой рабовладельческих отношений, не дает того места рабству, которое мы привыкли видеть.

Рабство как явление может присутствовать и при феодализме, и при капитализме. А 1990-е годы показали, что в бывших советских республиках (на Кавказе и в Средней Азии) оно может возродиться даже после десятилетий социализма.

Работоторговля, особенно в Италии, при феодализме не прекращалась, причем за рабами нередко обращались к ордынцам – и те продавали итальянцам русских рабов – «белых татар».

Что же касается капитализма... Например, в Америке рабство официально существовало до 1863 года (а в отдельных штатах законы, запрещающие неграм покупать землю или получать образование, существовали до конца 1960-х годов). А неофициально – до Второй мировой войны. И здесь – двойная мораль. Одним – все расширяющаяся свобода, другим – рабские колодки.

ГЛАВА 4 КРАЙНОСТИ РУССКОЙ ДУШИ

Особая трагичность России – в ее положении между Европой и Азией.

Соседняя, но чужая нам Европа относилась к России всегда по принципам двойной морали, то есть не по-своему. Поэтому антирусскость многих наших прозападных демократов вроде Каспарова, Пономарева и прочих ходорковских с касьяновыми вполне понятна.

Они инстинктивно стремятся выйти из-под действия обратной стороны морали Европы, стать своими в Европе – а в нынешней Европе Россия является чужой.

Поэтому вполне логично, что для вхождения в хитро-мудрую двойную-тройную мораль Европы надо перестать быть

русским и научиться делить людей не по русскому принципу «хороший-плохой», а по европейскому «свой-чужой».

Свой всегда прав, даже если вырезает одну за другой вьетнамские деревни, а чужой не прав даже тогда, когда спасает жителей Крыма и Донбасса от озверевших нацистов.

При всей абстрактности понятия «Европа» в нем все же есть и много конкретного. И конкретное воплощение – конкретная Европа – требует не просто принадлежности к какой-либо общеевропейской цивилизации, но принадлежности к конкретному народу, нации, государству, культуре.

Не просто «европеец» – само по себе это определение отрицательное – не русский, не азиат, не африканец и т.п., а англичанин, француз, итальянец, немец.

Даже если ты приехал из африканских джунглей и идет только второй день после получения тобой французского паспорта – для европейцев ты уже вполне уважаемый француз, а не какой-то дикарь из Уганды.

Сама по себе идея наших прозападных демократов – помочь России вписаться в Европу, может быть, и неплоха.

Но дело в том, что когда какое-либо государство входит в союз других государств – это не означает улицы с односторонним движением.

Так, Англия в прошлом веке была достаточно далека от континентальной Европы. В нашем веке такой дальности уже нет. По своим бытовым привычкам Англия приблизилась к Европе континентальной. Стало меньше резких особенностей – или чудачеств, – которые отличали англичан от других европейцев.

Но изменилась и Европа; в целом континент перенял многое от Англии. Если Россия войдет в Европу, то не только Россия должна объевропиться, но и Европа – обрусеть. А вот с этим дело обстоит плохо.

Далее, а с чем сейчас мы войдем в так называемое цивилизованное сообщество? Взлет в позапрошлом веке немцев (быв-

ших одно время самой слабой и презираемой в Европе нацией), а в прошлом веке – японцев был, помимо всего прочего, связан еще с совпадением национальных особенностей этих народов с требованиями прогресса.

Каждый этап прогресса имеет свой вкус и цвет, каждый выдвигает своих героев. И начиная со второй половины прошлого века механическая цивилизация стала требовать от людей известных добродетелей – умеренности и аккуратности.

Причем растущая взаимосвязь всех отраслей требовала, чтобы этими качествами в немалой мере обладало большинство работающих – да практически все, за исключением каких-нибудь маргиналов.

В то время как у нас увлекались героическими трудовыми достижениями всяких там Стахановых, в Европе и Америке все больше люди привыкали к простому ежедневному добросовестному труду.

Поэтому неудивительно, что японцы со своей «миллиметровочной» культурой, отшлифованной долгим проживанием на небольшом участке земли, со своими сверхминиатюрными деревьями в горшках, со своими тончайше подобранными «садами камней», где каждый камень был на месте с точностью до миллиметра, хорошо вписались в этот виток прогресса.

Но мы со своей размахистостью и полным отсутствием аккуратности, «миллиметровости» – на что мы можем рассчитывать на этом пиру прогресса? Ни на что! Впрочем, как и большинство стран, например, латиноамериканских.

Что же нам делать в таких условиях? Подвергать свою страну унижениям с надеждой лет через тридцать добраться до того положения, в котором сейчас находятся опущенные ниже плинтуса Украина или Молдавия?

Или все же лучше отойти от этого «пира», изолироваться – проще говоря, опять же наплевать на Запад и сохранить себе кое-какой уровень существования взамен дезорганизации и развала?

Китай, допустим, в открытую игнорирует большинство европейских правил поведения, но это не мешает Поднебесной стать первой экономикой мира и завалить магазины Европы и Америки своим товаром.

Кроме того, необходимо рассматривать явления не только сами по себе, но и в том виде, в каком они отражаются в окружающем пространстве. И здесь оказывается, что Запад отражается в России не лучшим образом.

С давних времен русские люди смотрели на Запад как на место, где нет проблем, и поэтому русское западничество с давних пор в значительной степени было еще и стремлением избавиться от трудностей, удрать в то место, где, как еще недавно принято было говорить, «ноу проблем».

Однако когда русские пытались стать европейцами, то растворялись за границей бесследно.

Когда царь Борис Годунов послал русских людей за границу учиться, практически все там и остались, ища легкой жизни. Но все они просто растворились в Европе, и об их жизни нет данных.

Только об одном из них – Никаноре Олферьеве Григорьеве – есть сведения. Он предал веру отцов и стал убежденным англиканином и даже пострадал от фанатичных пуритан за свою новую веру.

Если посмотреть на первого русского «диссидента» – неизвестного князя Курбского, то по его письмам и, главное, по его «Истории о великом князе Московском», видно, что он бежал к полякам не просто от угрозы смерти (хотя и это имело огромное значение), а в место, где не будет проблем.

Оказалось, что Польша и без жесточайшего деспотизма Ивана Грозного далека от идеала Курбского. По накалу обличительного пафоса, по той язвительности, с которой Курбский бичует страну, приютившую его, бичует не просто тех или иных лиц, а нравы большинства польской знати, по тому, что он

увязывает эти обличения с жесточайшей критикой Ивана Грозного, видно, что здесь – не просто недовольство.

Курбский, критикуя Грозного, думал, что где-то дела идут по-иному. В Польше дела шли по-иному – но легче от этого не было. Для нас, однако, интересно то, что он видел за рубежом некий идеал – и идеал, увы, не сбылся.

В дальнейшем количество русских западников разрасталось. Но в отношении большинства их судеб повторяется лейтмотив: не устроились, не смогли, не вписались.

Сын Ордына-Нащокина, удравший за границу, не сумел там прижиться – вернулся назад на милость царя (Алексей Михайлович, впрочем, был действительно милостив к нему).

Подьячий Григорий Котошихин, убежавший в Швецию несколько ранее и написавший там свое знаменитое озлобленное антирусское сочинение, был казнен там за убийство. Те же, кто не думал оставаться на Западе, смотрели на него по-прежнему – как на место без проблем.

Сохранились дневники П.А. Толстого. Активный когда-то участник Стрелецкого бунта, он, заглаживая свою вину, ездил везде и всюду по повелению Петра I.

Вот как он воспринимал венецианскую жизнь: «И живут венециане во всяком довольстве и воле». Это сказано о времени, когда в Венеции режим Совета десяти жесточайше подавлял всякий намек на возможность сопротивления аристократической олигархии, когда инквизиция в Венеции была на порядок сильнее и изощреннее знаменитой испанской, когда орден иезуитов способствовал ей в этом, плетя свои бесконечные интриги.

Если так воспринимал европейскую жизнь хитрейший и умнейший человек, что же говорить об остальных?

Значительная часть молодых людей, посланная Петром I за границу, учебой себя не утруждала, а кинулась в кутежи. Показателен пример одного из Головиных, который на экзамене

у Петра признался, что ничему не учился, а только пьянствовал на казенные деньги.

Впрочем, это можно понять. Тяжкие испытания, перенесенные Россией, суровые патриархальные нравы, являющиеся до некоторой степени продуктом этих испытаний, – все это давило многим на психику, и люди инстинктивно искали, где же полегче жить.

В этих условиях любой намек на отсутствие где-либо тяжелого запрета воспринимался как указание на то, что там нет этой проблемы.

Такая идеализация была неизбежна при взгляде на Запад. Вот поэтому Курбский, рисуя себе идеальное государство феодалов во главе с царем-демократом, думал, что феодалы в таком государстве автоматически будут верны, честны, храбры – словом, поистине благородны.

Поэтому же многие, кинувшиеся на Запад, ждали, что здесь-то можно будет сбросить с плеч тяжесть долга – и пить-гулять, не думая ни о чем.

Поэтому же русское дворянство в своей массе заимствовало с Запада то, что там устаревало на глазах и отходило – закабаление крестьян.

Допетровское крепостное право мало походило на то, что мы привыкли себе представлять. Это была просто форма обеспечения профессиональных военных-дворян.

Дворян кормили крестьяне только потому и в ту меру, в какую дворяне служили царю. Каких-то особых прав на владение жизнью и смертью крестьян, аналогичных правам сеньоров Запада, у русских дворян не было.

Конечно, злоупотреблений в грубую эпоху XVII века, когда и сам «тишайший» царь Алексей, случалось, собственноручно ставил синяки боярам, было немало.

Но все же это были злоупотребления, с которыми пусть и со сказочной волокитой разбирался центральный аппарат.

После же Петра дворяне не раз вынуждали цариц (особенно цариц) к уступкам.

И русским дворянам (за редчайшим исключением) не нужны были ни права человека (пусть хотя бы благородного), ни что-либо подобное.

Русские дворяне хотели двух вещей: во-первых, отлынивания от службы и, во-вторых, полной власти над крепостными. Все остальное им было неинтересно.

Иногда в жадности своей русское дворянство попадало в казусные положения. Так, в 1767 году при созыве знаменитой Комиссии по Уложению выяснилось, что депутаты-дворяне не то что желают, а просто-таки алчут этих двух пунктов.

Надо сказать, что Екатерина II, как могла, тянула до 1785 года с их предоставлением дворянству, несмотря на всю связанность ее положения. Изданные перед революцией ее дневники показывают, что она стояла за освобождение крестьян.

Помещики до того алкали двух вышеупомянутых пунктов, что при попытках возражения входили в такой раж, что публично, при всех топтали ногами (!) написанный и изданный государыней «Наказ».

Тут они и познавали все неудобство государственного пренебрежения правами человека: «топтальщиков» хватали, пытали и везли в ссылку без суда и следствия.

Строго говоря, порочна была сама практика заимствования из Европы (или откуда бы ни было) уже отживших там свое социально-экономических отношений.

Заимствование, если только это не что-либо чисто технологическое, всегда должно коснуться того, что уже устоялось, даже, пожалуй, отживает свой век.

Новое, что только-только творится в процессе текущей жизни, заимствовать невозможно – да и как усвоить ту вечную тягу вперед, ее еще неопределенные формы, которая и зовется прогрессом?

Поэтому наше заимствование из Европы всегда касалось только старья. Взять можно только то, что уже отжило свое время. Оно наиболее представительно, наиболее эффективно. Еще бы: ведь оно уже осуществилось.

Так Россией и было взято крепостное право – когда в Европе оно уже давно устарело и не использовалось.

Для русских же помещиков эта система оказалась очень приятной. Государственная служба отнимала много времени, и люди годами не бывали в отпусках, не имели возможности заехать домой.

А тут вдруг раз – и никаких забот по службе: вместо необходимости служить государству ты обязан лишь редко общаться со своими крестьянами, ибо дворяне получили право распоряжаться крестьянами не по службе, а по достоинству рода.

Богатство без обязанностей перед государством – такова была приманка Запада, хотел ли Запад создать ее или нет. Из России с ее тяжелой жизнью русским дворянам Запад виделся только местом, где с доходами нет проблем.

Российские дворяне и постарались это «ноу проблем» устроить со своими крестьянами.

Что же, устроили. Только получили непрекращающиеся бунты и техническую отсталость страны, на которую сами же и сетовали.

А эта отсталость происходила от нехватки свободных рук. Промышленники в середине XVIII века говорили, что им нужны не льготные кредиты, а люди – люди, которых не заманишь никакими деньгами.

Еще бы: ведь большая часть людей оказалась собственностью помещиков.

Но для нас, собственно говоря, интересны даже не эти последствия, а то отношение, которое было к Западу у наших предков: мол, давайте будем заимствовать оттуда всяческое облегчение нашей жизни.

Увы, за века, прошедшие с тех времен, мало что изменилось. Только облегчение это нынче все больше касается морали. Она облегчена до предела. И когда сажают крупного чиновника, то народ удивляется не тому, что он воровал, а тому, что его посадили...

Но вернемся к более старинным временам. К тем, когда в Европе бюргеры объединялись в коммуны и давали отпор феодалам.

А что делали русские люди, если их слишком давило государство и дворянство?

Бунтовали не так уж часто. Униженные и оскорбленные просто... бежали. На Волгу ли матушку, в леса дремучие или еще куда, часто под бок к своим лютым врагам, но бежали. И нередко поодиночке.

На сложные дела (вроде ограбления турецких берегов) сбивались в артели, а потом часто опять рассыпались поодиночке.

Среди старообрядцев в конце XVIII века появилось особое течение – бегуны. Они ни более ни менее как признали само государство... созданием антихриста. И бежали от него, причем делились на «странноприимных» и «собственно бегунов».

Что любопытно, русская тяга к коллективности (на самом деле вынужденной – попробуй-ка без коллектива справиться с тяжелейшими трудами, с набегам и прочими бедами) противостояла тяге к уединению – часто в черт знает каких условиях, но одним, без барина, без государевых людей!

И поэтому при малейшей смуте Русь начинала просто рассыпаться на части. Суверенитета требовали себе не этносы и даже не губернии, а деревушки, хуторки и выселки.

Яркий пример: возникшие в 1905 году как грибы после дождя всякие «марковские республики» – требующие самоуправления крестьянские волости.

А в 1917–1918 годах самостоятельными объявляли себя даже уезды. Сама по себе эта тенденция понятна, как, впро-

чем, понятно и русское желание «все и сразу», заставлявшее в 1917 году кидаться в коммунистические утопии, а в 1993-м – приватизировать, что можно и что нельзя.

Русский народ вынес слишком много. Он нес и продолжает нести невыразимую тяжесть. Он сдерживает собою дикую Азию. Он борется с чудовищно плохими природными условиями.

Поэтому он был принужден создать авторитарное государство и так долго держался за общину. И поэтому он падок на все соблазны.

Малейшее облегчение наш соотечественник понимает как выход из-под страшной, давящей его тяжести. Он мечтает сбросить этот груз разом и ищет место, где нет груза.

Так, он невольно обращается на Запад, который с фантастической самонадеянностью и наглостью любит хвастаться своими богатствами и свободами.

У нас не может быть всех этих дурацких «суверенизаций». Любая из них (такая, например, как ельцинский «парад суверенитетов») – это сигнал: «Разбегайтесь, парни, пока барину не до нас!»

А еще это будет сигналом того, что теперь все можно: рэкет, рейдерство, крышевание, взятки, откаты, торговля наркотиками и людьми.

Постоянное завистливое сравнение себя с Европой сделало из многих русских образованных людей ненавистников Родины.

С тех пор Россия кидается в две крайности. С одной стороны, сильное желание казаться, а не быть (мол, мы почти Европа, у нас даже кинематограф имеется).

Но гораздо опаснее другая крайность. Она возникает из чувства неполноценности перед Европой, мол, у них там нормальная жизнь, а у нас все через задницу.

Такая крайность зовет людей к насильственному изменению окружающей действительности. Дескать, все равно уже

хуже быть не может, так бабахнем же с «Авроры» по Зимнему дворцу.

И происходят дикие вещи. Люди хотят жить достойно и, чтобы такая жизнь наступила уже завтра с утра, кидаются в авантюры, окончательно добивающие русское благосостояние.

А выход из этой ситуации один: не завидовать!

Нам все равно не угнаться за господами, которые, пока Россия решала тяжелейшие проблемы, обирали как липку весь шар земной.

Пока Россия сокрушала того, пред кем они трепетали – Наполеона, – они прибирали к рукам далекую Индию и вывозили тоннами сокровища.

Пока Россия стряхивала азиатское иго – они подбирались к Америке, покоряли ее – и грабили, грабили, грабили...

Пока Россия из последних сил, при Петре I, на костях своих людей, проводила индустриализацию – строила верфи, фабрики и заводы, европейцы опустошали Черный континент, вывозя оттуда рабов с размахом и жестокостью, какие никогда не пришли бы в голову даже Ивану Грозному.

Пока русское правительство поднимало на всяких конгрессах вопросы о незаконности слишком жестоких видов оружия, вроде разрывных пуль, европейцы грабили Китай, добиваясь силой оружия от его правительства легализации курения опиума.

Просвещенные европейцы грабили и жировали, снова грабили и снова жировали... Где уж нам за ними угнаться!

Но и богатству этому завидовать не стоит. Краденое. Лучше плюнуть – и забыть.

ГЛАВА 5

САМОВЛЮБЛЕННОСТЬ ЗАПАДА

Если перечислять все достижения Запада, а на другую чашу весов положить западную самовлюбленность, то, пожалуй, перетянет эта последняя.

Уже сейчас многие ученые выступают против пресловутой дикой самовлюбленности европейцев, из политкорректности называемой евроцентризмом.

И это в общем-то очень даже понятно. Комфортабельные условия, в которых ныне обретается западный человек, очень даже способствуют самонадеянности, когда ему есть с кем сравнить свое положение.

Но, чтобы быть так уверенным в себе, нужно уметь защищаться. А с этим на Западе обстоит даже очень плохо.

Складывается такое впечатление, что с наступлением Новейшего времени западный человек отвык биться за себя. Однако нет, он не отвык – конечно, конкуренция и все такое...

Но когда возникает проблема с неординарными условиями, скажем, при атаках исламистов – он слишком быстро поднимает ручки вверх.

Он стал похож на бывалых доминошников, которые, выкладывая на стол первые три фишки домино, видят, как дальше пойдет игра, и сразу говорят, кто проиграет и сколько на ком очков.

Но жизнь – не домино (которое элементарно просчитать вперед) и даже не шахматы (которые просчитать неизмеримо труднее).

Западный человек паникует по любому поводу и быстро сдается. Как только увидит себя в «дискомфортных» (любимое словечко) условиях, как начнет проигрывать – так и все.

Собственно, уже с XVIII века Запад испытал на себе, что он не способен противостоять наплыву сильного и спаянного единым фанатическим порывом войска.

Переиграть его он может по, скажем, уровню оружия, по тактическим хитростям – да. Но если это войско будет сравнимо с ним по тому и другому, но сильнее духом, – тогда все, плохи дела Запада.

Он будет проигрывать, да не просто проигрывать, а продувать с разгромным счетом, поднимая руки где-то уже в первой четверти раунда.

И это тем страшнее, что феномен фанатического войска уже с XVII века знаком Западу. И прогресс Запада хорошо прослеживается по его неспособности сопротивляться фанатикам.

Сопротивление Густаву-Адольфу было сильнее, чем сопротивление сменившему его в роли гения зла Карлу XII. Сопротивление Карлу XII было сильнее, чем сопротивление Фридриху II. Сопротивление Фридриху II было сильнее, чем сопротивление Наполеону. Сопротивление Наполеону было сильнее, чем сопротивление Гитлеру, – вот и весь прогресс.

Другое дело, что в это вмешивалась Россия и мешала все карты.

Безбожно продувая Карлу XII под Нарвой, наспех сколоченное Петром I российское войско все же выдвинуло несколько частей, которые сопротивлялись шведскому королю больше и сильнее, чем какие бы то ни было другие войска.

В Семилетней войне бывало много случаев, как битва при Гросс-Егерсдорфе (1757), когда битва была, казалось бы, начисто проиграна русскими войсками пруссакам.

Ни хитрый царедворец Апраксин, не знающий тактики, заботящийся только о придворных конъюнктурах, ни педант Фермор не могли противостоять Фридриху II.

Но русские войска, оказавшись в безвыходном положении, когда европейцы прекращали сопротивление (зачем же кровь лить – все равно ж проиграли), стояли насмерть – наперекор всему.

Сколоченные из разных авантюристов и набранных обманом рекрутов войска Фридриха II просто обалдели: они же выиграли, пора переставать рисковать жизнью, а расслабляться, оказывается, было нельзя, надо было рубить и колоть русских, при этом не исключено, несмотря на невыгодное положение и расстроенность русских войск, что будешь убит и ты.

Всегда веривший в силу русского солдата полководец Румянцев ударил по левому флангу неприятеля. И хваленые пруссаки не выдержали войны на истребление и побежали.

Это было прелюдией к дальнейшим победоносным сражениям и взятию Берлина. Но для нас сейчас интересно другое: именно стойкость, несвойственная Европе.

Что же, европейцы из другого материала сделаны? Да нет, ведь были же и наполеоновские войска, тоже стойкие (и даже пару раз крепко бившие русских).

Дело в другом.

У европейских стран с сильными войсками был не то что авторитарный, а даже тоталитарный строй.

А там, где было что-то околodemократическое, войско было слабым.

Правда, там, где войска были сильны, развитие как бы останавливалось. В наполеоновских войсках, например, преобладало вооружение образца 1760–1770-х годов, а ведь в Париже тогда работал швейцарец Паули, гениальный оружейный конструктор, впервые создавший тогда и унитарный патрон, и схему перезарядки, и многое-многое другое.

Русские тоже страдали такой же болезнью: как только мы создавали сильную армию, то останавливали реформы вооружений и выработку новой тактики.

В итоге мы всегда вынуждены выбирать: русскую стойкость или европейскую изощренность в средствах. И только такие события, как Великая Отечественная война, заставляли быстро и масштабно развивать армейское искусство и систему вооружения.

Одним из последствий судорожного, суматошного бега, ставшего подробностью жизни Новейшего времени на Западе, явился феномен, словно специально придуманный для опустошения окраин западной цивилизации, – мода.

Калейдоскопичность ее смены уже сама собою предполагает антиэстетичность в бытовой ее утилизации.

Обыденному сознанию требуется много времени для шлифовки, отделки, «доведения до кондиции» какого-либо стиля.

Поэтому фольклор так талантлив, ибо создавался не во время судорожной моды, а в, так сказать, застойные времена патриархального образа жизни.

Но дело еще и в другом. Обыденное сознание никогда не могло оценить искусства самого по себе иначе как развлекательного.

Для искусства серьезного, для его восприятия и оценки обыденному сознанию всегда требовалась дополнительная шпора.

Такую шпору представляла, например, религия, обряды которой надлежало выполнять неукоснительно.

Страх перед карой высших сил заставлял людей вникать в обряды: чувство «касания к мирам иным» настраивало душу на определенный лад, заставляя человека напрягаться, и тем самым подготавливало его к восприятию высокого искусства.

А оно, в свою очередь, возвышало душу человека, давая ей полет для «миров иных».

Нечто похожее было и в пении всевозможных обрядовых песен, почтение у народа к которым было, несомненно, до какой-то степени откликом старого язычества.

Собственно, в традиционалистской культуре любое движение, любое деяние было освящено, ибо шло «по чину», а «чин» этот имел под собой тоже если не религиозную, то мистически-заклинательную подоплеку.

И это все было благоприятно для высокого искусства. А в отношении моды такой дополнительной шпорой была хвастливость Запада в отношении своих достижений.

Недавняя мода на джинсы, бушевавшая перед перестройкой, была характерна именно тем, что ценилась именно наклейка, лейбл.

Ценилась именно причастность к Западу, причастность к роскошному месту процветания. И поэтому попытки всевозможных доморощенных зайцевых кому-то что-то в области моды противопоставить просто анекдотичны.

Западная мода своей хвастливостью все равно всех одолевает, ибо она опирается на процветание.

Но она опасна, ибо не опирается на трансцендентное (философский термин, означающий нечто сверхъестественное, находящееся за пределами познания и опыта. – *Примеч. ред.*) – а только оно способно настроить обыденное сознание на высокий лад. Значит, она будет играть на понижение (что, впрочем, уже и делает, культивируя насилие и секс).

Но для нас это понижение вдвойне опасно, ибо, помимо всего прочего, переориентирует пониженное сознание на «забугор». Нет, даже тройне, ибо обрекает пониженное сознание на иждивенчество («когда там что-то придумают, тогда и пошевелимся, а до того – где уж нам, сиволапым!»).

И поэтому вывод может быть только один – плюнуть на это.

ГЛАВА 6

ПОЧЕМУ ЛЬЕТСЯ КРОВЬ?

Почему во многих частях планеты, в том числе и в нашей стране, бесконечно льется кровь? Почему Организация Объединенных Наций – организация, призванная, согласно своему уставу, защищать мир и безопасность, предотвращать агрессии, – стремительно теряет свое значение?

Самолеты НАТО бомбят кого угодно, когда угодно. Против России в обход ООН принимают международные санкции, наносящие сильнейший удар по ее экономике.

Международное право настолько часто попирается, что к 2016 году уже начали поговаривать о том, что пора заменить всю сложную систему договоров и конвенций простым правилом: все, что выгодно для Запада, законно, а что ему невыгодно, незаконно.

Другим странам, например государствам БРИКС (Бразилия + Россия + Индия + Китай + ЮАР), такая система крайне не нравится. И рано или поздно они бросят серьезный вызов Западу.

Испытывая давление Запада, ООН не только не гасит конфликты, а, наоборот, усложняет их. Найдите хотя бы один-единственный пример за последние 25 лет, когда резолюции Совета Безопасности ООН, решения Генеральной Ассамблеи, различных международных комиссий и комитетов привели бы к затуханию конфликта. Не найдете!

Зато действий, направленных на расползание конфликтов и включение в него все большего числа различных политических сил, полно. Одна Югославия чего стоит. А Ирак? А блокада Ирана? А бомбежки Ливии? А военные действия в Сирии? А санкции против России?

Вспомним события в Югославии. Самая острая фаза конфликта начинается с момента вмешательства международного сообщества в локальный кризис.

А Сомали! Участие ООН в сомалийском конфликте вместо решения гуманитарных задач превратилось в кровопролитное столкновение, которое окончилось позорным уходом войск ООН (а точнее, НАТО) из этой страны, превращением генерала Мухаммеда Фараха Айдида в национального героя и избранием его президентом государства.

Что любопытно, до этого его знали только в некоторых племенах, да и то не во всех. При этом акция оказалась далеко не безобидной – сотни убитых и раненых.

К чему привело разрешение ООН на операцию «Буря в пустыне» против Ирака?

К сотням тысяч человеческих жертв, разрушению созданных с большим трудом производственных мощностей суверенного государства, к новой серии острейших противоречий в арабском мире. А также к тому, что военно-политическая инфраструктура НАТО стала складываться на Ближнем Востоке, где ее раньше не было.

Так появился еще один регион в мире, где быстро растут горы оружия, все новые и новые страны стремятся приобрести самые современные его виды и даже обзавестись (на всякий случай!) собственным ядерным и химическим оружием.

Спокойнее ли станет жить на земле из-за таких стремлений? Зато для самого Запада главным результатом «Бури в пустыне» стали новые военно-силовые гарантии транснациональной эксплуатации стран Ближнего и Среднего Востока со стороны соответствующих транснациональных корпораций (ТНК), а если сказать проще – продолжение бесперебойных поставок нефти, гарантия того, что арабские вклады в западную экономику (4 триллиона долларов!) не будут изъяты.

По существу, такие «гарантии» означают: «опекаемые» государства фактически теряют свой суверенитет. Это и есть колониализм! Так спрашивается, для борьбы против кого создавалась ООН в 1945 году – против агрессоров или же жертв этих агрессий?

Сегодня русские самолеты бомбят укрытия ИГИЛ. А его боевики терроризируют Париж и Брюссель.

Но лишь 20 ноября 2015 года – после нескольких лет зверств игиловцев в Ираке, Ливии, Нигерии, Йемене и Сирии, а также сотен терактов в Евразии и Африке – Совет Безопасности ООН соизволил принять резолюцию № 2249.

В ней говорится про необходимость борьбы с «Исламским государством» и другими террористическими организациями в Ираке и Сирии. За резолюцию о признании ИГИЛ террористической организацией проголосовали все 15 стран – членов СБ ООН.

Однако и тут ООН осталась верной себе. Несмотря на призыв «уничтожить убежища» ИГИЛ и группировки «Джебхат ан-Нусра» на территории Сирии и Ирака, в резолюции № 2249 нет главного – упоминания об использовании санкций из статьи 7 Устава ООН.

Та статья позволяет, например, прибегнуть к военной силе для выполнения решения Совбеза ООН.

Получается, резолюция № 2249 не является законным основанием для проведения военных и прочих реально действенных операций против террористов.

Второй момент – Совбез поставил на голосование французский проект резолюции, а не российский, хотя РФ выдвинула свой проект первой.

Российский же вариант был намного конкретнее и жестче. В нем также содержалось требование координации проведения антитеррористических акций с правительствами Сирии и Ирака.

Кстати, давайте вспомним, кто породил чудовище, против которого объединили свои усилия Запад и Восток.

«Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) – исламистская террористическая организация, фактически с 2013 года как непризнанное квазигосударство, действующая на территории Сирии (частично контролируя ее северо-восточные территории) и Ирака, частично контролируя территорию «суннитского треугольника» («суннитский треугольник» – условный район на территории Ирака к северу и западу от Багдада, получивший известность во время войны в Ираке в 2003 году. – *Примеч. ред.*).

Непосредственная предшественница ИГИЛ – группировка «Исламское государство Ирак», которая была образована на американские деньги (теперь террористов спонсируют Саудовская Аравия, Катар и Кувейт) в 2006 году в Ираке путем слияния одиннадцати радикальных исламистских группировок.

Спецслужбы США рассчитывали использовать новую организацию в качестве средства для уничтожения «Аль-Каиды» и давления на Сирию, Ирак и Иран.

А теперь с ИГИЛ сражается весь мир, в том числе и российская армия, которая наконец-то вышла на современный уровень технологий, логистики и оперативно-тактического взаимодействия не только подразделений, но родов и видов войск.

Но вот ведь бесовские создания – американцы и тут ухитряются гадить всем порядочным людям планеты. США постоянно вопят о том, что гораздо опаснее для мировой стабильности некие «диктаторы и тираны», которых надо свергнуть, а террористы – второстепенная цель.

Спрашивается, зачем весь этот бред? Ведь и школьнику ясно, что свержение «тиранов» в Ливии и Ираке как раз и привело к расцвету терроризма.

Дело в том, что Соединенные Штаты сегодня явно страдают манией величия. Они вообразили, что являются самой бо-

гатов, самой мощной, самой, самой... державой, единственной и неповторимой. И могут навязывать свою волю другим странам и народам, поучать их, как нужно устраивать жизнь.

Это давняя болезнь американцев, но в последние годы она особенно обострилась.

Сегодня не только в мусульманских странах, но уже и в странах Европы растет недовольство засильем американской псевдокультуры, примитивизмом во всем, грубостью, хамством, которые несет с собой Америка. В Германии и во Франции, например, считается неприличным надеть куртку с американской эмблемой. Уважающий себя человек постесняется показывать, что он преклоняется перед Америкой.

Но главное то, что в Европе многие уже видят: претензии заокеанской державы на господство нарушают интересы и самих европейских стран.

Дело в том, что когда какую-нибудь цивилизацию пытаются разрушить, навязать ей чужую культуру, то у нее срабатывают инстинкты самосохранения и происходит неизбежное многократное наказание тех, кто предпринимал такую попытку.

Этого могли не понимать люди в XV–XVIII веках, когда геополитическое пространство еще было не до конца заполнено и была реальная возможность военными и иными силовыми методами добиться каких-либо преимуществ, захватить новые территории.

Но сегодня, в XXI веке, уже накоплен огромный опыт завоеваний и борьбы с завоевателями, разрушений и противодействия разрушителям.

Можно было бы сделать правильные выводы из этого опыта. Тем не менее поныне многие политики мыслят так, будто живут в XVIII столетии.

Здесь мы говорим о политиках, которые находятся на виду, на поверхности, являются исполнителями. Реальные силы, ко-

торые контролируют современный мировой процесс, отнюдь не наивны и прекрасно осознают то, что они делают.

Крупнейшие банковские группировки, транснациональные промышленные конгломераты и обслуживающие их политики поставили цель – постепенно создать мировое правительство, а точнее, установить мировое господство.

При этом терроризм считается ими не угрозой, а инструментом для завоевания такого господства.

Для чего оно нужно им? Для захвата ресурсной базы нашей цивилизации.

Такое утверждение не плод воображения. Оно имеет под собой реальные основания.

Еще в начале 1970-х годов ученые и политики, объединившиеся в так называемый Римский клуб, представили ряд своих докладов, в которых утверждали: если человечество и дальше будет потреблять природные ресурсы такими же темпами, как и прежде, то в середине XXI века его ожидает голод и холод.

Ресурсы иссякнут, а окружающая среда будет загрязнена настолько, что станет непригодной для жизни.

Конечно, можно изменить производственные технологии так, чтобы потреблять меньше сырья, резко сократить выбросы вредных веществ в атмосферу, использовать отходы. Далее, можно сократить потребление. Зачем в самом деле менять автомашину каждые два-три года, если она может служить восемь–десять лет?

Но что тогда будут делать автомобильные компании, чем будут заниматься нефтяные корпорации, если и впрямь сократить потребление вещей и природных ресурсов, хотя нынешние технологии позволяют это сделать без ущерба для качества жизни людей на Западе?

И Запад, в первую очередь крупные промышленные и финансовые корпорации, стал решать проблему. Но решать ее, так сказать, для себя, за счет других стран и цивилизаций.

Конечно, в последние годы на Западе внедрили немало новых технологий, которые позволяют экономить сырье, энергию, не допускать загрязнения природы. Но чтобы дальше идти этим путем, нужно вкладывать огромные деньги в науку, опытные разработки, образование, дабы готовить соответствующих специалистов.

Такие вложения дадут отдачу только в отдаленном будущем, а корпорациям нужны прибыли сейчас, немедленно.

Да и само распространение научных знаний, образование подрывает самую главную монополию ТНК и банкиров – монополию на знания, на информацию, на квалифицированных работников.

И Запад, прежде всего ТНК и Международный валютный фонд, стал действовать по-другому, так, как он действовал в эпоху колониальных захватов.

Экологически грязные, вредные для здоровья людей и природы заводы стали выводить в другие страны, особенно в страны Азии и Латинской Америки.

Но этого им мало. Есть Россия с ее огромной территорией, колоссальными запасами сырья и топлива. Кроме того, в России сосредоточены громадные запасы пресной воды, которая в недалеком будущем станет важнейшим стратегическим ресурсом. Наконец, учтем еще одно обстоятельство.

Многие ученые предсказывают в скором времени глобальное потепление на земле.

Некоторые объясняют это «парниковым эффектом» – из-за загрязнения воздуха, увеличения углекислого газа в атмосфере отдача тепла в космос задерживается, происходит своего рода перегрев нижних слоев атмосферы и поверхности Земли.

Другие ученые объясняют грядущее потепление изменениями скорости вращения Земли, которые происходят периодически.

Но так или иначе, климат на планете может измениться. И тогда огромные территории США и Канады, где сейчас су-

ществуют самые благоприятные условия для сельского хозяйства, окажутся непригодными для него.

А территория Сибири, наоборот, по своим природным условиям станет самой благодатной, чтобы выращивать на ней пшеницу и пасти коров.

Так что идеи о том, чтобы «выкупить» у России Сибирь, которые порой высказываются в Америке и которые сегодня, возможно, кажутся бредовыми, имеют под собой серьезные основания. (Кстати, открыл тему академик Пивоваров, который предложил отказаться от Сибири и Дальнего Востока из-за того, что они мешают России стать «нормальной европейской страной» с 90-миллионным населением.)

Таким образом, со стремлением Запада, прежде всего США, мы, можно считать, разобрались. Для подобного стремления есть реальные предпосылки.

Но почему могущественные силы и работающие на них ученые в тех же Соединенных Штатах уверовали в саму возможность установить свое мировое господство?

Да потому, что они верят в безотказность новых видов оружия, которое у них есть. Воздействовать на природную среду нужным для себя образом (экологическое оружие)? Пожалуй-ста, нет проблем.

Оболванить десятки миллионов людей с помощью «массовой культуры» и пропаганды, лишить их способности мыслить и анализировать без подсказок со стороны продажных борзописцев и телеболтунов? Тоже несложная задача.

Повлиять на здоровье людей, их способность рожать детей, повысить смертность и понизить рождаемость (своего рода демографическое оружие)? Сколько угодно.

Для этого можно использовать торговлю продовольствием: продавать продукт питания с вредными добавками в красивой обертке, рекламировать сигареты и сомнительные напитки.

Заставить людей убивать друг друга, чтобы затем установить контроль над «освободившимся» пространством? Проще простого. Для этого достаточно спровоцировать межнациональные, межэтнические конфликты, а затем явиться на место кровопролитных столкновений под личиной «миротворцев».

Мы уже не говорим об экономическом оружии: существует множество способов подрвать экономическую безопасность государств.

Это и подрыв финансовой системы через банки, и дискриминация на мировых рынках, и система займов через Международный валютный фонд, которые, как удавы, обвивают свою жертву и затем душат ее.

Итак, с одной стороны, транснациональные корпорации и МВФ, с другой стороны – Россия. Россия, которую хотят превратить и превращают в объект мировой политики, второсортную полуколонию, сырьевую периферию мирового хозяйства. Россия, по которой наносится мощнейший удар. Последний удар...

Плацдарм для нанесения этого удара – Северный Кавказ. Выбран он далеко не случайно. И сам удар не так прост, как может показаться на первый взгляд. Он имеет свои этапы, а каждый из этапов – свою логику и свои особенности.

Северный Кавказ – это геополитический ключ, который можно повернуть в одну сторону и развязать гражданскую войну в стране, заодно столкнув лбами Россию и исламский мир (при этом прекрасно сознавая, что часть этого мира – та же Россия), а можно и в другую сторону – сторону мира и межнационального согласия.

Мы хотим подчеркнуть, что русские никому не угрожают. Но дальше терпеть над собой издевательство не позволят никому.

Неужели кто-то серьезно рассчитывает, что наш народ и дальше будет глотать «сникерсы», жевать резинку и наблюдать, как гибнет страна?

Россия во все времена славилась своими умами, причем самые талантливые, искренне преданные своему делу ученые никогда никуда не уезжали и не собираются этого делать.

Здесь действует закон этнородины, когда вне ее истинно объективный исследовательский процесс прекращается. И всякие подачки в виде грантов, фондов в данном случае совершенно бесполезны.

Те, кто выдает эти гранты, могут получить только ту конъюнктурную часть нашего ученого мира, без которой Россия вполне может обойтись. Пока голоса настоящих исследователей и экспертов не очень слышны.

Но именно сегодня пришло время со всей ответственностью заявить, что уже готовы практические механизмы спасения России, и они будут запущены в самый ближайший момент.

Объективный процесс «очищения», предначертанный Россией отнюдь не западными теоретиками и практиками и не теми негодьями, которые помогли им поставить страну в то положение, в котором она находится сейчас, близок к завершению.

Только пройдя этот процесс, Россия сможет обновиться и предстать миру в новом свете.

Именно поэтому ЛДПР так терпеливо работает все годы, избегая любых майданов и революций, действуя только законными методами.

Да, у России много врагов. В том числе и внутренних. Часть из них десятилетиями находится у рычагов российской власти. И ЛДПР приходится медленно и аккуратно вытеснять западных марионеток из власти.

А уж на самом Западе у нас врагов не счесть. Но до объединения России и Крыма (2014) эта братия спокойно спала на лаврах победителей России. Еще бы, ведь они ее разорили и разоружили.

Мы никому не угрожаем, но те, кто затеял всю эту кампанию по разоружению России, получают удар бумерангом по своим толоконным лбам.

Так было со всеми агрессорами (скрытыми и явными), которые пытались покорить Россию. Так будет и с современными «цивилизаторами», которые осуществляют ту же агрессию, но другими средствами, еще более бесчеловечными.

А те, кто в нашей стране реализовал волю и замысел современных агрессоров, поедут, возможно, даже не на Колыму, а на Запад.

Пусть тысячи этих прозападных демократов – поборников мнимой свободы и справедливости – попробуют там вытворять то же самое, что они делали в России: разрушать и разлагать общество, провоцировать этнические конфликты, торговать наркотиками, проворачивать финансовые аферы.

А жулики на Руси весьма изобретательны. И наши многочисленные мавроди могут устроить такую аферу, которая потрясет всю финансовую систему стран Запада.

И очень скоро придет момент, когда западные эксперты, теоретики, военные будут ломать голову: почему доллар превращается в бумагу, почему в цивилизованной «семерке» начался «вдруг» лавинообразный рост полей преступности, этнической и социальной напряженности, почему гигантские ТНК начали терпеть банкротство, почему западная экономика оказалась парализованной, почему страны Запада начали воевать друг против друга?

Валютно-финансовая пирамида, построенная ротшильдами и рокфелерами, рухнет, и выживут лишь самодостаточные государства. Прежде всего Россия!

Рухнет и «новый мировой порядок», который пытаются установить сейчас под прикрытием «общечеловеческих ценностей».

Здравомыслящие люди в нашей стране прекрасно знают, что при Ельцине значительная часть нашей разведки, МИДа и других государственных институтов была парализована и работала на Запад.

Но это явление было временным. Россия возрождается, как это было во все времена.

Планы создания нового прозападного правительства, которое добьет русских, раскрыты, причем в деталях, и никто не собирается пассивно наблюдать, как все эти касьяновы-каспаровы-ходорковские будут натравливать недалеких, но не боящихся крови удалцовых на российские власти.

Конечно, глобальная система пропаганды делает свое дело, и ее жертвы ходят жиденькими толпами по улицам русской столицы под бандеровскими флагами и требуют «оставить в покое несчастную Украину», то есть предать наших русских братьев, которых пытаются и убивают в Новороссии.

Однако большинство россиян благодаря многолетней напряженной работе пропагандистов ЛДПР и законодательной работе ее фракции давно уже не верят ни в прозападную демократию, ни в теорию «русских общечеловеков», весьма похожую по содержанию на доктрину Гитлера о «русских недочеловеках».

Наступает прозрение – медленно, через кровь и страдание, через вопиющую несправедливость и цинизм «сильных мира сего». Мощный инстинкт самосохранения русского народа выстоял под пропагандистским напором Запада, вооруженного лучшими технологиями по промыванию мозгов.

Все эти десятилетия противостояния таким технологиям научили наш народ многому. Мы теперь знаем механизм воздействия на нас, знаем, как вернуть человека к человеческому облику в соответствии с объективными законами психологии, знаем важность патриотического воспитания и борьбы с фальсификацией отечественной истории.

В целом, мы вовсе не отрицаем западных ценностей и достижений западной цивилизации, но большинство из них хороши лишь на своей почве.

У нас же свои ценности. И если наблюдать за тем, что у нас происходит, то можно заметить, что они уже возрождаются.

Искусственная пересадка западной модели на российскую почву обречена на провал и уже проваливается, сопровождаемая громким треском и стенаниями прозападных демократов о том, какой им – таким толерантным, мультикультурным и архилиберальным – достался «холопствующий перед властью» народ, которого не заставишь идти на Кремль во имя западной «справедливости».

Русские, как гласит пословица, долго запрягают, но быстро ездят. Не стоит забывать об этом.

Русский народ доверчив, добр. У него есть одно прекрасное, но дорого стоящее ему качество: сначала он воспринимает все с чистым сердцем и открытой душой, пока ему туда не наплюют.

Но после этого происходит непонятная на Западе метаморфоза – он вдруг становится агрессивным, сильным. И никакое биологическое, химическое, психическое оружие не поможет.

Причем у русского народа в его борьбе против мировой закулисы есть союзники. Ведь в «новом мировом порядке» заинтересован весьма ограниченный круг лиц, группировок и т.д.

Народы Западной Европы, Японии и самой Америки не хотят быть жертвами политических авантюристов, желающих уничтожить целые цивилизации, например, православную и исламскую, столкнув их друг с другом.

Пора покончить с опасной и бесперспективной войной цивилизаций. Всем, кому дорог мир, надо объединиться и пресечь авантюру по установлению «мирового правительства».

Нужно вернуться к естественной геополитической модели – это единственный путь выживания человечества в целом.

И процесс пошел. Страны БРИКС активно противодействуют попыткам США поставить на колени Южную Америку, Африку и Евразию.

Общая позиция России и ее союзников из БРИКС проста, честна и современна. Наши страны выступают:

- за реализацию духа и буквы Устава ООН, за использование только этой организации в качестве правовой инстанции для международных военно-полицейских акций;
- за мирное межцивилизационное взаимодействие;
- за взаимовыгодное сотрудничество по горизонтали и вертикали;
- за достойную жизнь человека в любой стране.

Но все это можно осуществить лишь при одном условии: если не только союзники России, но и она сама станет сильным, стабильным и процветающим государством, а русскому народу будет обеспечена достойная жизнь.

Иначе в мире воцарятся хаос и тьма.

ГЛАВА 7

ТОЛЬКО ИМПЕРИЯ!

Строго говоря, понятие «империя» весьма неоднозначно. И вот почему: Римская империя, по сути дела, заложила основы Европы.

Поэтому многие европейские государства старались всячески подчеркнуть свою преемственность – прямо или косвенно выводили себя из Римской империи.

Пример прямого выведения – Священная Римская империя германской нации, то есть впоследствии Австро-Венгрия. Еще в XVI веке возник спор между Иваном Грозным и ее императором Максимилианом: последний пробовал доказать, что император – наследник Римской империи – только он, а потому Великий князь Московский не может называться словом

«царь» (как известно, это русское сокращение слова «цесарь», то есть император).

Поэтому имеет смысл рассматривать в первую очередь первоисточник, то есть Римскую империю. Это необходимо еще и потому, что Рим – ярчайший пример превращения республики в монархию, и по нему идеально можно проследить, какие черты несла с собой республика и во что они трансформировались в монархическом варианте.

В историографической традиции устоялось следующее мнение: всячески хвалить Рим республиканского периода – и, соответственно, ругать Рим императорский, как разлагающийся.

При этом упускается из виду, что таковое «разложение» шло довольно долго, что искусства и науки в Риме расцвели именно в императорский период. Вспомним Горация, Вергилия, Овидия, живших в «золотом веке Августа», а также Т. Моммзена, всячески восхвалявшего Рим императорского периода и изображавшего Цезаря другом крестьянства.

Конечно, сквозь все это слишком явно просвечивала апология пруссачества. Но тем не менее Моммзен обратил внимание на многое и многое, что до этого проходило мимо историков. В частности, защиту прав личности, а также то, что описываемое автором общество было намного сложнее, нежели кучка рабовладельцев и эксплуатируемая ими многомиллионная масса рабов.

Мы привыкли считать Древний Рим, да и вообще весь Древний мир «рабовладельческим периодом». Но не так давно видный историк и экономист Ю. Бородай показал всю относительность такого представления.

Оказывается, во многих странах Древнего мира, согласно последним исследованиям, рабство не занимало такого уж выдающегося места.

Рабство там существовало скорее как следствие отношения к человеку, а не как «основной способ производства», что нам вдолбили в голову советские преподаватели политэкономии.

Зато большинству цивилизаций Древнего мира свойственно дискриминационное отношение к «не своим», к людям, не принадлежащим к своему сообществу, вне зависимости от того, являются данные люди чьими-то рабами или нет.

«Истинно полисное воззрение» греков о том, что люди не своего полиса – не люди или по крайней мере не совсем люди, было широко распространено.

В высшей степени было оно свойственно и Древнему Риму республиканского периода. Но – и это может служить одним из важнейших показателей – чем сильнее развивалась императорская власть, тем оно становилось слабее.

Более того, во всех империях древности это воззрение если и не исчезло, то было весьма и весьма притуплено.

Одним из наиболее точных тестов на существование такого воззрения служит наличие или отсутствие социальной мобильности.

Создать жестко моноэтническое, а точнее, моноплеменное государство не удавалось никому, и всегда люди «не того рода» занимали в Риме весьма невыгодное положение. Это касалось плебеев и потомков покоренных племен, к примеру, из Иудеи.

Для них в государствах со значительным уровнем нетерпимости был закрыт путь наверх.

Никакой социальной мобильности в Древнем Риме республиканского периода быть не могло. Более того, следует учесть, что некоторая часть рабов получала волю. Но их статус был все равно не тот, что у прочих граждан.

В истории Рима, замечательной именно своей четкой разработанностью юридических понятий, они звались «вольноотпущенники».

Но заслужить высокое звание римского гражданина они могли только в порядке исключения. Собственно говоря, кровопролитные самнитские войны и велись из-за того, что рим-

ляне в обмен за военную помощь обещали дать самнитам римское гражданство – и, естественно, обманули.

Римское гражданство только для своих, для римлян – и к тому же есть римские граждане первого сорта (патриции) и второго (плебеи), причем, согласно преданию, и это различие было следствием племенного происхождения; якобы у плебеев несколько другие этнические корни. Таким было мышление римлян в республиканскую эпоху.

С созданием империи положение дел в Риме начало меняться. Социальная мобильность значительно возросла. С одной стороны, вместе с окончанием жизни республики мало-помалу исчезало и участие народа в делах государства, живая связь – то, что, собственно, и называлось «общее дело» – *res publica*.

Но, с другой стороны, социальная мобильность значительно повысилась. Для вольноотпущенника стало возможно получить римское гражданство более простым путем.

Более того, многие вольноотпущенники из императорского дома стали входить в императорский Совет, и, следовательно, у них появилась возможность влиять на политику.

А в начале II века в Риме совершилось нечто уникальное и невозможное с позиций не столь давних времен: в святая святых римской государственности – в Сенат (совет старейшин), этот реликт системы управления родоплеменного периода, был избран за военные заслуги перед Римом... мавританский князь Лузий Квиет, по некоторым сведениям – негр. Это означало полный крах полисного воззрения.

Интересно, что нечто похожее было во всех империях древности. В персидской монархии, судя хотя бы по библейской Книге пророка Даниила, даже для раба было возможно попасть на вершину власти.

Во всяком случае, никто не удивлялся наличию самого Даниила, да и трех отроков при персидском дворе. Попасть чуже-

странным рабам к какому-либо двору, да еще и на что-то влить в государстве не имперского типа было просто невозможно.

Та же самая социальная мобильность, тесно увязанная с родовой, была в империи Александра Македонского. Она же победила и в Риме.

Таким образом, из классического примера империи можно вывести такие противопоставления: республика – национальна, причем даже на родовом уровне, империя – интернациональна.

Республика – не мобильна социально; ее граждане имеют значительные права, но попасть в число граждан невозможно. В империи понятие «гражданин» невелико, но иметь его могут в принципе все.

Национализм и расизм – давние спутники республиканского устройства. Именно поэтому рабство, нарушая все границы и все прожекты мирового устройства, благополучно продержалось до прошлого века в цивилизованных, конституционных странах.

Более того, в республиканских странах при всей «народности» их устройства принципы родovitости сохранялись и сохраняются лучше, чем в иных монархических, притом что в последних структура пирамиды выдержана четко.

Пушкин в свое время удивлялся, что в Америке, не имеющей дворянства, распространены «гонения родословные», то есть человеку невозможно было попасть в элиту Филадельфии или Бостона, если он не принадлежал к семье какого-либо «отца-основателя» США.

С точки зрения дворянина Пушкина во внесословном обществе не может быть такого явления, как родovitость.

Но в США оно было. И вряд ли случайно то, что многие американцы, говоря о высших кругах США, употребляют такой специфически древнеримский термин, как «патрициат». В нем отражена суть республиканской аристократии, в том числе и принципы родovitости.

В этом смысле социальная мобильность опять может служить показателем. Если мы перейдем к теме о мезальянсах, то есть неравных браков, то увидим, что и здесь империя более свободна, чем республика или государство республиканской направленности.

Например, посмотрим, где мезальянс проходит легче – в Англии середины прошлого века или в России того же времени?

Вот перед нами два романа – «Отцы и дети» Тургенева и «Наш общий друг» Диккенса.

Первый рисует жизнь России предреформенного периода (крестьяне еще не отпущены на волю), второй – жизнь Англии даже несколько более позднего времени.

В обоих романах тема неравного брака проходит побочной линией.

Конечно, не следует забывать о том, что перед нами – художественные произведения, а не точные копии жизни.

Но, с другой стороны, в этом есть и свой интерес, ибо писатель в конце концов пишет для читателей, и на нем, на его манере письма, на сюжете невольно отражаются его опасения за то, как читатель примет тот или иной сюжетный ход.

И вот что показывают оба романа.

В «Отцах и детях» одна из сюжетных линий такова: Николай Павлович Кирсанов, либеральный человек, женится на своей крепостной, Фенечке.

Обстановка – Россия. Никакой свободы. Есть только какие-то неясные новые веяния с Запада.

Николай Петрович – хозяин Фенечки. Он ее вправе, например, выпороть. Его брат – аристократ по духу. И что же, есть какие-то опасения, что общество не примет такой брак? Нет, нет и нет.

Брат – Павел Петрович, принципиальный противник передового и жутковатого Базарова – ничего против не имеет. Ника-

ким протестом и не пахнет. Но самое главное – не чувствуется внутренней напряженности самого Тургенева за то, как читатель воспримет эту линию романа. Все спокойно.

И это полностью отвечало реалиям русской жизни того времени.

Самые высокородные вельможи женились на самых обыкновенных женщинах.

С сословной точки зрения российского дворянства то, что вельможа А.К. Разумовский имел у себя любовницу «из простых» и дал всем ее детям дворянство (лично просил об этом царя Александра I), было вполне понятным явлением.

Ведь его дяде дворянство было пожаловано при весьма экзотических обстоятельствах – как любовнику Елизаветы Петровны.

Даже то, что родовитейший из родовитых (Рюрикович!) Шереметев женился на своей крепостной, не вызвало в обществе протеста. Только разговоры и сплетни.

Дворяне России вовсю женились на цыганках из хора, на крепостных крестьянках – и это не считалось чем-то ужасающим.

Теперь рассмотрим другую ситуацию. Англия. «Свободная» страна.

Крепостное право отменено еще в XV веке. Рабство тоже отменено. Парламент имеется. А дворянство не имеет никаких особых прав.

«Эсквайром» (мелкопоместным дворянином) подписываются многие принадлежащие к буржуазии или чиновничеству люди. Фактически это слово означало тогда что-то вроде «сударь».

Так вот, в романе Диккенса – тоже мезальянс: он – аристократ, она – простая лодочница.

Но сразу видно внутреннее напряжение Диккенса, видно, как он старается сгладить этот мезальянс, сблизить в глазах чи-

тателя Его и Ее. Сразу аристократ оказывается из разоренной семьи. Неравенство (которое, казалось бы, изначально было много меньше, чем в русском варианте) становится еще меньше.

Но этого мало. Диккенс вертится, как бес перед обедней, чувствуя, что для английского читателя этот номер не проходит. Он ставит своего героя в исключительное положение. Герой тонет, жестоко израненный соперником, и спасает его та же лодчица.

Ну тут уж, казалось, он обязан это сделать просто из чувства благодарности. Но для Диккенса и этого мало. Накрутка страстей крепчает, доводя содержание уже до полнейшего маразма.

Герой оказывается на краю гибели, и в предсмертном состоянии у него возникает блажь – жениться. И только на грани смерти происходит трогательное бракосочетание. Герой, конечно, потом от счастья неожиданно выздоравливает.

Но и этого мало. В конце романа дается весьма и весьма патетическая картина с осуждением английским «светом» такого неравного брака. Осуждение, правда, получается не единоголосным – и по сему поводу Диккенс не жалеет ни патетики, ни восторга.

Так где же социальная мобильность была выше? Естественно, в России, ибо Россия была империей, а Англия, хоть и величала себя таковой, была (и остается) ближе к республике, со своим всемогущим парламентом, со своей чисто номинальной королевской властью и со своим неистребимым шовинизмом.

В этом смысле становится понятным, почему Россия избрала имперский путь.

Сейчас прозападные демократы стараются убрать из народной памяти то, что было общим местом для историков прошлого века. Россия сложилась как государство в борьбе со смертельной опасностью, идущей из Степи.

Наличие такой опасности не позволяло России проявлять шовинизм на европейский манер, пришедший из республикан-

ского Рима и бывший типичным для всего древнего Средиземноморья: «Мы люди, вы – нелюди, скот».

Ордынцев приходилось заманивать к себе «лаской», выделять их князьям города для «кормления» (тот же Касимов, Кашира).

Собственно говоря, по большому счету опасность из Степи исчезла для России только после екатерининских войн – а русских кочевники перестали угонять в рабство только с признанием Хивинским ханством русского протектората. А это уже 1873 год.

До того же времени у России не было другого пути, кроме пути императорского Рима – или гибели в волне азиатского кровавого хаоса.

Это отлично понимали русские историки XVII века – такие как стольник Лызлов, который в своей «Скифской истории» (кстати, напечатанной спустя почти 100 лет и именно в момент последнего набега крымцев на Россию в 1768 году) всячески обыгрывал известную тацитовскую формулу: «Сначала враги, потом граждане».

Такая способность все усвоить и переработать не противоречит пресловутой русской «ксенофобии», о которой так любят побрехать «демократы». Россия с понятной подозрительностью относилась как к Востоку, откуда появлялись самые чудовищные феномены, вроде Орды, так и к Западу, смотревшему на все прочие народы с истинно колонизаторским пренебрежением и при случае их истреблявшему.

Россия была трагически одинока.

По своей культуре она не могла принадлежать ко всему хищно-азиатскому миру с его отношением к земле как к чему-то опустошаемому, и в то же время не принадлежала и к Западу, ибо не была ни Римом, ни колонией Рима. Она была и остается чуждой как Западу, так и Востоку, она сама по себе.

Культура на Русь шла с другого, христианского Востока (имевшего ряд особенностей, не всегда приемлемых для нашего менталитета) – из Византии.

Но вопросом жизни и смерти для России были именно отношения с кочевниками или с осевшими на землю их наследниками, одно название которых часто напоминает об ордынских временах (например, название «узбеки» происходит от одного из ханов Золотой Орды – хана Узбека).

И России, для того чтобы справляться с этими господами, нужно было все время быть «под ружьем», то есть в империи в самом прямом и достоверном смысле этого слова («император» – первоначально полководец, повелевающий, тот, кому римским Сенатом дан проконсульский империй – чрезвычайная военная власть).

Но очень скоро стали выявляться недостатки имперского устройства.

Ранее уже было сказано: империя интернациональна. Это не следует понимать в том смысле, что во всякой империи царит всеобщий хаос и некая космополитическая культура.

Нет, само основание имперского устройства носит на себе (и иначе быть не может) следы той этнокультуры, которая ее создавала и цементировала.

В империях присутствует уверенное доминирование какой-то одной культуры. Но это рано или поздно вступает в конфликт с интернационализмом империи.

Поскольку полный интернационализм возможен только среди «Иванов, родства не помнящих», то рано или поздно может сложиться ситуация, при которой доминирующее положение в империи займут представители совсем иной культуры, по типу противоположной первоначальной.

Пусть нас поймут правильно. Существуют разные типы национальных культур. И вопрос стоит гораздо более сложный и тяжелый, чем выбор «национализм или интернационализм».

Более того, разделение на нации, племена и прочее в данном случае сводит его к слишком мелкому уровню. Лучше говорить о кустах (если так можно выразиться) национальных культур, о целых регионах, в которых разные культуры близки друг другу, но далеки от культур другого региона.

Кстати, выше это уже до какой-то степени было показано: «истинно полисное воззрение» было воззрением, типичным именно для куста культур Средиземноморья.

Положение осложняется тем, что человек может принадлежать к той или иной культуре, сам того не подозревая. При этом он, может быть искренне желая развивать имперскую культуру, фактически использует ее формы как оболочку для выражения своих, может, и неосознанных устремлений, которые опять-таки могут быть разрушительны для этой культуры и для всего, что на ней базируется.

Приведем один пример.

Последователь Платона – философ Плотин, опираясь постоянно на действительный, как ему казалось, смысл творений Платона, нашел, что настоящее, стремящееся к идеалу искусство живописи должно, во-первых, изображать все без светотеней, только контурами, во-вторых, нарушать перспективу, ибо она тоже относится к несовершенству нашего зрения.

Излишне говорить, что сам Платон как представитель древнегреческой культуры никак не мог бы поддержать такое мнение.

Ларчик открывается просто: Плотин – родом из Египта, и он, пользуясь усвоенными им формами греческой философии, просто обосновал традиционные формы родного для него египетского искусства.

Конечно, при этом Плотину могло казаться, что он – вернейший наследник Платона, развивающий его учение. Но на деле это было использованием некоторых элементов классической греческой философии для проведения учения, реализую-

щего устремления культуры египетской и тем подрывающего античную эстетику, исходящую из совсем иных устремлений.

Подобная же опасность, но касающаяся не только и не столько искусства, а всей культуры в целом (включая в первую очередь основы государства: финансы, управление, военное дело и проч.), была роковой для многих империй.

Древнеримский историк Тацит, как никто другой понимал диалектичность и необратимость исторического процесса. Он восхищался периодом республики – и он же показал ее обреченность.

Опасность для империи он видел именно в ее варваризации, в том, что рано или поздно всем управлять начнут люди иной, не римской культуры.

Его слова о римских легионерах, несущих караул у постели галльского вождя, были воистину пророческими. Фактически римская государственность подвергалась двойному натиску: от варваров внешних и варваров внутренних.

Последние вносили элементы своей, родоплеменной культуры в структуру империи – и тем все смешивали, путали – и разрушали империю.

Россия тоже подверглась соблазну интернационализма – и не однажды.

В XVIII веке Россия попыталась «европеизироваться». И слишком легко, без сопротивления пустила в себя чуждую культуру, причем в отношении государственном взяла с Запада его крайние, маргинальные суждения (Феофан Прокопович в обосновании петровского государственного устройства – «Правде воли монаршей» – страницами переписывал Гоббса).

В конце позапрошлого века ситуация повторилась – образованная часть России оказалась нестойкой перед рядом западных идей, и в первую очередь перед марксизмом.

И в том и в другом случае у кормила русского правления очутились люди, проводившие в жизнь свои, прозападные, устремления.

Они оказались губительными. Как справедливо сказал один из «веховцев», на Западе даже самые ядовитые его идеи, будучи в окружении других, теряют свою остроту.

В России же эти идеи, а лучше сказать, устремления оказались в положении кроликов в Австралии – никто им не противостоял, никто на них не охотился, и они размножились так, что на всех стали давить.

И создание атмосферы, при которой подобные идеи не встречают сдерживания даже такого, какое они встречают у себя, в своей культуре, есть факт именно империи, негативное следствие имперского устройства.

Это было одной из причин перерождения Римской империи, превращения ее в какой-то непонятный космополитический конгломерат со слабыми внешними чертами прежнего Рима.

Это же явление проявилось и во Втором Риме – Византии, которая была по культуре вроде бы эллинской, но на самом деле в ней преобладали черты иных, по преимуществу семитских и тюркских культур.

Люди, к ним принадлежавшие, реализовывали свои, глубоко чуждые духу эллинизма устремления под эллинской оболочкой. Византия была воплощенным противоречием, сплошной обманкой, внутри нее кипели раздирающие ее силы.

Но она все же долго жила – и успешно противостояла натиску многих народов. И замечательно, что именно Византия сделала знаменательный шаг на пути примирения республиканского и имперского начал, вернее, внесения элементов республиканизма в имперское устройство.

Это проявилось, в частности, в обычае, не дошедшем, правда, до силы закона: если император ссорился с народом на ипподроме, он должен был сложить с себя корону или примириться с народом, начать немедленно осуществлять те мероприятия, которые он вынужден был пообещать народу.

Конечно, бывали случаи вопиющего нарушения этого обычая – достаточно вспомнить Юстиниана. Но в конце концов в любой республике возможны (и порой бывали вполне успешными) попытки захвата власти.

Такой обычай был сдерживающим началом, не позволявшим власти далеко отходить от народа. Сама обстановка в Византии складывалась так, что единая культура была невозможна, а эллинизм скрывал под собой, как уже сказано выше, совсем иные, противоречащие ему устремления и формы.

И потому при всем его (эллинизме) доминировании, при всей его силе нельзя считать его единой культурой. Это не давало возможности заложить монолитный по культурному типу государственный фундамент.

Но сама идея внесения элементов республиканизма в империю заслуживает внимания еще и потому, что на нашу культуру в свое время весьма сильно повлияла Византия. И ее наследие до какой-то степени живо и сейчас.

Особенно замечательно в этой схеме то, что здесь идеи народного представительства соприкасаются с идеями целостности культуры.

Сама по себе связь республиканизма и национализма понятна: республиканизм есть устройство, при котором (теоретически) в проблемы государства вовлечены все люди.

Но при всех процессах, в которых осуществляется воля народа (выборы, антивыборы, то есть выражение недоверия и тому подобное), неизбежно блокирование людей, одинаково настроенных и желающих активно пропагандировать свою позицию, проводить в жизнь то, что вытекает из их точки зрения.

Это не всегда выражается во внешней стандартизированной форме (партии, блоки), но просто проявляется как инстинктивное тяготение друг к другу людей, принадлежащих к единой культуре.

Естественно, что нередко такое тяготение оформляется в те или иные формы, близкие к партийным, и на их окраине появляются всевозможные экстремистские группировки.

Поскольку культуры складывались на национальной основе, среди таких движений (и, соответственно, их экстремистских окраин) должно быть немало националистических.

Поэтому испуг наших «демократов» по поводу иных жестких высказываний объясняется только их полным незнанием республиканизма как явления.

Итак, к чему мы пришли? То, что цементирующим началом России, как бы она ни называлась – Российская империя, СССР, СНГ, РФ, является русская культура, вряд ли необходимо доказывать.

Следовательно, надо охранять эту культуру от внутреннего перерождения. Подчеркиваем: именно культуру, дабы не вставал вопрос о национальности на «родоплеменном» уровне.

Проникновение каких-то элементов в русскую культуру шло, идет и будет идти всегда, это процесс естественный.

Но, как уже было сказано, бывают культуры, как группы крови, совместимые и несовместимые. И если в русскую культуру попадут противоречащие ей элементы и начнут усиленно действовать, она может рухнуть.

И здесь неоценимую помощь могут оказать именно республиканские институты.

Благодаря им народ может сказать свое веское слово и отозвать или не допустить к выборам тех, кто чужд по духу преобладающей и формирующей государство культуре.

И это будет самым действенным актом, охраняющим государство.

Другое дело, что сама культура нуждается в охране, ибо в 2000-е годы на Западе изобрели много способов воздействовать на культурные стереотипы нации. И в данном случае необходима государственная охрана СМИ, Интернета, радио и телевидения от такого воздействия.

Именно такую охрану (хотя и в ограниченной области, относящейся, как правило, к Интернету) пробуют осуществить во Франции после терактов 2015 года, испытывая острую нехватку в специалистах и не рискуя привлечь на сторону сил правопорядка волонтеров.

Но Интернет – лишь малый сегмент культуры. И об этом надо помнить нам в России. В защите нашей духовной безопасности должны сочетаться и охрана государством русской национальной культуры, и охрана государства русской национальной культурой, проявляющаяся прямо или косвенно в актах народной воли.

С другой стороны, надо сказать сразу и четко: выбор какого-то одного полюса невозможен. Пограничное положение России между хищным Востоком и обольщающим, но и хищным Западом не дает ей возможности иметь ни республиканских, ни имперских недостатков.

Она не может быть полностью республикой. Она может (и должна) иметь многие республиканские черты, связанную с этим сосредоточенность на основной – русской – национальной проблеме, на сохранности русской национальной культуры, на которой покоится основа русской государственности, на сохранении ею доминирующего положения.

Но последовательно проводить такую политику невозможно просто из чувства самосохранения.

Осуществлять последовательно республиканскую политику с ее неизбежным столкновением национальных и расовых групп (что видно на примере конфликта между осетинами и ингушами, а также первой и второй чеченских войн) в реальных условиях России немыслимо.

Вместе с тем республиканское устройство не дает достаточных гарантий на случай экстремальных положений.

Республиканцы обычно – плохие солдаты (что проявилось и во Второй мировой войне, и недавно в военных авантюрах США).

Это понятно: по сути, имперская система есть армейская система. Собственно говоря, она и вышла из системы управления римским городским ополчением.

При тяжелых испытаниях империи более устойчивы (если нет ударов изнутри – переворотов, убийств правящей династии и проч.), чем республики (эти, наоборот, внутренними конфликтами только подстегивают свое развитие – яркий пример Афинская, Флорентийская и Венецианская республики).

Республики в наше время, как правило, могут выживать только при условии предельно спокойной обстановки, с мирно настроенными или слишком технически слабыми соседями.

России в нашем весьма тяжелом геополитическом окружении, с массой задач, которые предстоит еще решать, нельзя принимать полностью республиканскую систему. Такая ахиллесова пята нас несколько не устраивает.

Поэтому вопрос, как нам кажется, не может стоять так: республика или империя?

Необходимо ставить его по-другому: как и в какой пропорции сочетать в государственном устройстве России республиканские и имперские черты?

Современная беспокойная обстановка, наличие покушений на Россию со многих сторон позволяют утверждать: имперское начало должно преобладать.

Империя – это прежде всего слитность, единство, готовность к решительным действиям в любую минуту. Имея под боком перенаселенный Китай, еще более перенаселенную и точащую зубы на пространства Сибири Японию, надо быть сильным и готовым.

Тем более тому, кто имеет на своей территории огромные запасы природных ресурсов, нельзя ослабевать. Страны Запада слишком нуждаются в грабеже всего окружающего мира, чтобы оставить в покое Россию.

ЭПИЛОГ

ЛДПР ЗАЯВЛЯЕТ

Несмотря на все договоры и просто здравый смысл, Запад продолжает двигать свои войска к границам России, пытаясь нас же обвинить в имперских амбициях.

А ЛДПР считает, что у нас, наоборот, слишком слабые имперские амбиции, слишком слабое управление страной и слишком медленная национализация основных богатств страны.

И мы не хотим, чтобы разрозненные очаги антироссийского сопротивления могли соединиться в единый заговор и привести к взрыву.

Что можем сделать мы, все, кто считает себя патриотом России? Мы можем обратиться к главе государства с требованием провести в стране референдум по следующим пунктам:

- изменить название должности главы государства – не президент, а Верховный правитель;

- убрать верхнюю палату;

- сократить число депутатов в Государственной Думе до 300 человек;

- произвести изменения территориального деления страны: 40 губерний по 3–4 млн человек. Губернии – только с географическими названиями! У этих губерний должна быть своя краевая Дума с численностью не более 30 человек, где выборы должны проходить только по партийным спискам;

- выборы проводить одновременно во все структуры власти один раз в пять лет и четыре с половиной года спокойно работать, создавая новую экономику и укрепляя мощь страны.

Мы не хотим, чтобы глава государства был прозападным, растерянным и мягкотелым, как Горбачев, или пьяным, усталым и запутавшимся в плетущейся Западом против России паутине интриг, как Ельцин.

Мы не хотим главе государства и его семье судьбы, которая постигла Николая II.

Мы просим главу государства собрать всю волю, ощутить себя главой великой страны, выполнить миссию национального лидера.

Надо в очередном обращении к народу через парламент России поставить новые акценты, внести серьезные коррективы в курс внутренней и внешней политики.

ПОРА:

– объяснить народу суть той драмы, которую он переживает последние четверть века, и сбросить наконец все оковы ельцинизма, превратившего Россию в кровавую рану;

– направить накопленный государством ресурс на мощную поддержку развития Дальнего Востока, транспортной экономики и стратегических отраслей промышленности, чтобы это внушило оптимизм в каждого гражданина России, особенно тех, кто живет за Уралом;

– объявить наконец, что национальная идея страны заключается вовсе не в тысячах тонн макулатуры, что написали по этому поводу чиновники и их прислуга; национальная идея проста – это любовь к России и воссоединение русского народа, который оказался разделенным и проживает сегодня в новых государствах Запада и Юга;

– вынести наконец тело Ленина с Красной площади, покончить с левой идеологией и с другими отрицательными явлениями, которые мешают развитию страны;

– подавить «птяую колонну» в государственном аппарате, в культуре и средствах массовой информации, а также провести полную политическую дезинфекцию со скорейшим воз-

вращением в идеологическую жизнь великих целей, громадных задач, по которым давно тоскует наш народ, без которых он беспризорен, обречен на уныние и тоску.

Вот на этом простом фундаменте должно строиться возрожденное Русское государство.

Идеология русских побед, служивших возрождению Родины после разрушительных смут и нашествий, и концентрации единства на базе православия, лучших традиций русского народа и всех остальных коренных народов, которые веками живут вместе с нами, станет краеугольным камнем этого строительства.

Эта идеология вдохновит и мобилизует наш народ. Мы можем объединить все классы и сословия, все партии и конфессии, которые превратят народ в громадное целое, неодолимое и святое.

И надо спешить. Мир меняется. Теракты превращаются в обыденность. Внешняя угроза усиливается – экономические санкции против России становятся все более коварными и разрушительными.

Объявив новый курс, глава государства сможет опереться на самые широкие слои российского общества, на всех патриотов России, на ЛДПР.

В этом может помочь и православная церковь, и все конфессии страны, а также и патриотическая интеллигенция со своей традицией служения и жертвенности.

Сегодня у нас есть новый общественный слой, кровью подтвердивший свое государственное предназначение, – это участники двух кавказских кампаний, солдаты и милиционеры, все, кто в погонах, все, кто кровью защищал нашу Родину последние четверть века.

Они могут стать основой новой элиты России. Это ее будущие генералы, дипломаты, министры и новые чиновники.

Мы не допустим новых ударов, которые потрясли бы основу страны, нам не нужны политические цунами, которые вновь обогрят кровью народную жизнь.

Этим обращением мы извещаем всех граждан России о новом курсе. Мы всех их зовем под свои знамена. Укрепим столпы и опоры, на которых зиждется государство Российское.

Хватит хлюпанья и стенаний. Придет время, и мы вернем все свои территории, и все русские будут жить спокойно, зная, что над их головой развевается их родной русский флаг.

Идея есть, лидеры есть, партии есть, депутатский корпус есть, армия, рабочие, крестьяне, огромная территория, ресурсы по всем позициям, нужен лишь хозяин твердый и последовательный, сильный и устремленный.

Наше воззвание, наше послание, наше обращение – это побудительный мотив к тому, чтобы мобилизовать волю всего российского общества, всех граждан России.

Пора понять, что мы окружены недругами, теми, кто мечтает попользоваться нашими богатствами, но мы этого им позволить не должны. Мы воссоединим разделенный русский народ и русские земли.

Мы отвергаем диктатуру и грязную западную демократию. Мы восстановим все лучшее, что было в Российской империи и в Советском Союзе.

У нас есть свобода, и мы будем жить в формате свободы, нас никто не запугает, и никто не посмеет оказывать на нас давление. Это другие страны бомбят целые цивилизации, части планеты, заливают кровью улицы городов, столиц независимых государств, а русский солдат испокон веков другим народам нес только свободу.

Нам есть чем гордиться, у нас должна быть улыбка на лице. Мы – ЛДПР – сделаем так, чтобы эта улыбка была у всех граждан России, чтобы справедливость, свобода и процветание стали синонимом слова «Россия».

Царь с консерваторами не смогли! Левые силы пролили океаны крови и предали всех! Прозападные демократы-реформаторы предали Родину и проворовались! Радикалы своими бессмысленными выходками опозорились!

И в 2016 году пришел черед новой политической элиты для реализации целей, которые близки всем гражданам. Это ЛДПР!

Мы все желаем жить достойно, с хорошей материальной основой. Мы все хотим быть свободными, и не надо выдумывать новых Мининых и Пожарских, Жуковых и Сталиных.

Мы не должны повторять ошибки прошлого. Мы будем двигаться вперед и выполним те задачи, которые сами поставили перед собой, а для этого мы должны до конца разоблачить те силы, которые внутри нашей страны мешают нам жить и развиваться.

Власть в наших с вами руках, но требуется мощный рывок к наполнению ее новой силой. У главы государства есть все возможности для формирования новой команды, новой пропаганды, новой экономики.

И мы требуем этого, мы настаиваем на этом, мы предупреждаем об опасности. Впереди лучшие времена, и мы все готовы бороться за их скорейшее наступление.

Не упустите свой шанс, глава Российского государства, и не вздумайте подбирать себе преемника, который ослабит все то, что мы имеем сегодня. Нам нужен лишь рывок вперед! И никаких отступлений назад!

Мы никого не боимся, мы сильны, смелы, мужественны и с радостью смотрим в будущее своей страны, любимой России, и наше сердце и душа наполняются восторгом от тех будущих побед, которые мы в состоянии осуществить!

Вперед, русский народ и православная Россия!

Содержание

ПРОЛОГ	
ЕВРОПА – ЧАСТЬ ВЕЛИКОЙ РОССИИ.....	3
ГЛАВА 1	
ОТСТАЛАЯ ЕВРОПА.....	4
ГЛАВА 2	
РОССИЯ СПАСАЛА, ЕВРОПА ПРОДАВАЛА.....	10
ГЛАВА 3	
ДВОЙНАЯ МОРАЛЬ ВСЕМИРНОЙ СВАЛКИ.....	19
ГЛАВА 4	
КРАЙНОСТИ РУССКОЙ ДУШИ	29
ГЛАВА 5	
САМОВЛЮБЛЕННОСТЬ ЗАПАДА.....	40
ГЛАВА 6	
ПОЧЕМУ ЛЬЕТСЯ КРОВЬ?.....	45
ГЛАВА 7	
ТОЛЬКО ИМПЕРИЯ!	58
ЭПИЛОГ	
ЛДПР ЗАЯВЛЯЕТ.....	75

ЛДПР

БЕСПЛАТНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

ПРИХОДИТЕ! ЗВОНИТЕ! Мы поможем!

Приём осуществляется без предварительной записи

Общественные приёмные ЛДПР

г. Москва, ул. Моховая, д. 7, ст. м. «Библиотека им. Ленина»
Тел.: 8 (495) 629-61-23, по рабочим дням с 9 до 17 час.

г. Москва, Луков пер., д. 9, ст. м. «Чистые пруды»,
«Тургеневская»
Тел.: 8 (495) 623-62-04, по рабочим дням с 9 до 18 час.

г. Москва, ул. Новорязанская, д. 16/11,
ст. м. «Комсомольская», «Красные ворота»
Тел.: 8 (495) 530-62-03, по рабочим дням с 9 до 18 час.

8 (499) 263-13-01, 263-13-67, info@ldpr.ru

ЛДПР

(Либерально-демократическая партия России)

Председатель

Владимир Вольфович ЖИРИНОВСКИЙ
107078, г. Москва, 1-й Басманный пер.,
д. 3, стр.1.

Тел.: 8 (495) 530-62-62

107045, г. Москва, Луков пер., д. 9.

Тел.: 8 (495) 623-02-44,

e-mail: info@ldpr.ru.

Молодёжная организация ЛДПР

107045, г. Москва, Луков пер., д. 9,
ст. м. «Тургеневская», «Чистые пруды»,
«Сретенский бульвар».

Тел.: 8 (495) 632-93-62, 8 (499) 263-13-20,
e-mail: urm-ldpr@mail.ru

Государственная Дума ФС РФ

Руководитель фракции ЛДПР
Владимир Вольфович ЖИРИНОВСКИЙ
103265, г. Москва, Охотный Ряд, д. 1.
Тел.: 8 (495) 692-11-95, 692-92-42.

Заместитель Председателя ГД ФС РФ

Игорь Владимирович ЛЕБЕДЕВ
103265, г. Москва, Охотный Ряд, д. 1.
Тел.: 8 (495) 692-77-11, 692-80-01.

ldpr.ru, ldpr.pf, ldpr-tube.ru, ldpr.tv

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ДИПЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗЦА

БЕСПЛАТНОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

БЕСПЛАТНОЕ ОБЩЕЖИТИЕ

- Отсрочка от армии
- Недорогая студенческая столовая
- Спортзал

Направления подготовки (бакалавриат):
зарубежное регионоведение,
политология, экономика, менеджмент,
психология, бизнес-информатика,
реклама и связи с общественностью,
юриспруденция.

Магистратура, аспирантура.

Все формы обучения, в том числе
с применением дистанционных
образовательных технологий.

107078, г. Москва, 1-й Басманный пер., д. 3 (а/я 182),
ст. м. «Комсомольская», ст. м. «Красные ворота»
(10 минут пешком)

Тел.: 8 (495) 632-17-70, 607-01-15;

8 (499) 261-11-26

www.imc-i.ru

Учредитель:
В.В. ЖИРИНОВСКИЙ

ЛДПР

Sanctions

**ПЛЕ
ВОК**

RUSSIA

**на
запад**

Первое издание – 1995 год